

09/2020

СВЕРЧОК

ПОДРОСТОК

ЭЛЕКТРОННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ
ДЛЯ ДЕТЕЙ И РОДИТЕЛЕЙ

АССОЦИАЦИЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ «БУКОВКИ»
ПАРИЖ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ
ДЛЯ ДЕТЕЙ И РОДИТЕЛЕЙ
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ
«СВЕРЧОК»

REVUE LITTERAIRE EN RUSSE
POUR LES ENFANTS ET LES PARENTS
«SVERTCHOK»/«LE CRIQUET»

09/2020

Ответственная за номер / Responsable de publication:

Юлия Уточкина-Амамджан/Ioulia Outotchkina-Hamamdjian

Редколлегия / Rédaction:

Елена Сергеева/Elena Sergueeva

Татьяна Ляван/Tatyana Laving

Виктория Таибова/Viktoriya Taibova

Ассоциация любителей русскоязычной детской литературы «Буковки» и альманах «Сверчок» не получают никаких государственных субсидий, подпишитесь на наше издание, чтобы его поддержать.

L'association des amateurs de la littérature russophone pour enfants «Boukovki» et la revue «Svertchok» ne perçoivent aucune subvention publique. Abonnez-vous pour nous soutenir.

Этот номер альманаха подготовлен и издан благодаря волонтерству всех членов Редколлегии.

Ce numéro a été préparé et publié grâce à l'action bénévole de tous les membres du Comité de rédaction.

Editeur :

**Association des amateurs
de la littérature russophone
pour enfants «BOUKOVKI»**

RNA: W751230833

Siège social:

121 boulevard de Grenelle

75015 Paris France

E-mail: contact@boukovki.org

Site: <http://boukovki.org>

ISSN: 2650-0663

©Auteurs pour les œuvres

©Association «Boukovki» pour la présentation et la
mise en page

©Illustrateurs et éditeurs indiqués pour les
illustrations

©Irina Rakova pour l'image de la couverture, la
peinture «Jour et Nuit»

Nous avons utilisé les illustrations libres de droits du
site «Pixabay»

СОДЕРЖАНИЕ

Дорогие друзья	6
Новые строки	8
<i>Ая эН. Проще кубика</i>	9
 Нина Кулик	
<i>Со звезды на звезду перепрыгну</i>	63
<i>Вот так мир!</i>	65
<i>Сматываются в клубок</i>	66
 Елена Хаецкая. День Святого Валентина	67
 Игровая	118
 <i>Лабиринт</i>	119
<i>На каком языке говорить с инопланетянами?</i>	120
<i>Редкие словосочетания</i>	120
<i>Игра в рифмы</i>	120
 С пожелтевших страниц	122
 <i>Иван Тургенев. Собака</i>	123
 Папам и мамам	154
 Дмитрий Веденяпин	
<i>Надо постучаться</i>	155

<i>Старые фотографии</i>	156
<i>Затихает Москва</i>	162
 Ксения Влаханович	
<i>Марсианская колыбельная</i>	167
<i>Колыбельная для мамы</i>	169
<i>Посиди со мной, мама!</i>	171
 Тата Снегур. Мы начинаемся	
172	
 Сергей Улашев.	
<i>Полёт проходит нормально</i>	173
 Избранные фантастические рассказы Лауреатов международного конкурса «Фабрика слов»	
176	
 Теодоро Россини. Миссия с планеты Чавк	
177	
 Алёна Погудина. Яблочный пирог	
181	
 Об авторах и иллюстраторах	
184	

Дорогие друзья!

«Сверчок» – фантастический путешественник! Ему по плечу не только мир видимый, но и мир недостижимый. Именно этот мир – реальный или вымышленный – он предлагает вам посетить сегодня вместе с ним.

В этом номере мы выбрали для наших взрослых детей и их родителей истории о возможном и невозможном.

Невозможное... Может ли оно избавиться от приставки «не»?

Где проходят границы между выдумкой, сном, сказкой, фантазией - и реальностью?

А может быть, даже нереальное реально?

Фантастика, мистика, фэнтези... Уводят ли они нас и наших детей из мира реального или позволяют взглянуть на него иначе?

Надеемся, что этот номер нашего альманаха заставит вас задуматься. И, кто знает, найти ответы...

Благодарим замечательных писательниц Аю ЭН и Елену Хаецкую за возможность опубликовать в альманахе их новеллы! Уверены, что они будут интересны не только нашим юным, но и взрослым читателям.

Юмористический скетч Сергея Улашева снова подарит родителям улыбку.

В номере много рифм! Неведанное так поэтично... Спасибо прекрасному поэту Дмитрию

Веденяпину, произведения которого украсили раздел «Папам и мамам». Тонкие и весёлые стихи Ксении Валаханович и Таты Снегур, в свою очередь, протягивают волшебную нить от детства к родительству, от воображаемого к реальному! А Нина Кулик на сей раз написала для «Сверчка» несколько замечательных философских строф.

Особая благодарность нашим иллюстраторам Ирине Раковой, Роману Саульским и Сергею Белозёрову, подарившим нам новые образы!

Читайте, философствуйте, играйте... на грани реального!

Ваш «Сверчок»

Ая эН

ПРОЩЕ КУБИКА

Четыре последние порции вчера были яв...
яв... – ИК! – явно лишними. ГолоВАТРЕщит.
МирраСКАЛЫваеТся...

О, мать моя женщина!

Нет у меня никакой матери, и никогда не
было.

Стоп. Надо собраться и, прежде чем
завалиться спать – Я собираюсь продрыхнуть

тысячу лет, не меньше! – прежде, чем... Что мне надо сделать из неотложного? А, да.

Восстановить форму. Там была какая-то крайне примитивная форма. Что-то совсем... Ик! Простое совсем... Как детская игрушка. Как пирамида, что ли?! Не, не может быть пирамида... Конус?!

Боже мой, как трещит голова! Боже – это Я. Я сам себе мой, сам себе свой.

Так, все, спать! Быстро восстановить форму – и спать.

Кубик. Точно, это был кубик. Что может быть проще кубика?

– Да будет куб!

И стал куб.

В детали Я решил не вдаваться, с этим справятся мои помощники. Я им строго-настрого запретил менять базовые физические законы, включая гравитацию, Они туда не полезут. А остальное – ерунда. Подправлю позже, если они без Меня не справятся.

Короче, Я – спать.

– Слушай, Зев, ты как хочешь, но Он – идиот! Что нам теперь с этим делать?!

– Э-э-э-ыммм... Может... ничего?

– Ничего не делать?! Да эту штуку сейчас разнесет на части! А Он разнесет на части нас, когда проснется и узнает, что мы не сохранили его любимую игрушку.

– Да ну, я тебя умоляю!!! Он пару миллионов лет теперь дрыхнуть будет.

– Вот-вот! Всего через жалких пару миллионов лет – и будет нам полный каюк!

Зев и Буд, почесывая шевелюры и лысины – одну (1) шевелюру и одну (1) лысину – с интересом и полным отсутствием следов оптимизма смотрели на вращающийся вокруг светила кубик.

Кубик был достаточно аккуратный, особенно если учесть, с какого нечеловеческого бодуна его сотворили.

– Ладно, мальчики, справимся. Могло быть и похуже.

– Тара, я тебя умоляю! Что может быть хуже гигантского нестабилизируемого кубика, несущегося по круговой орбите со ско...

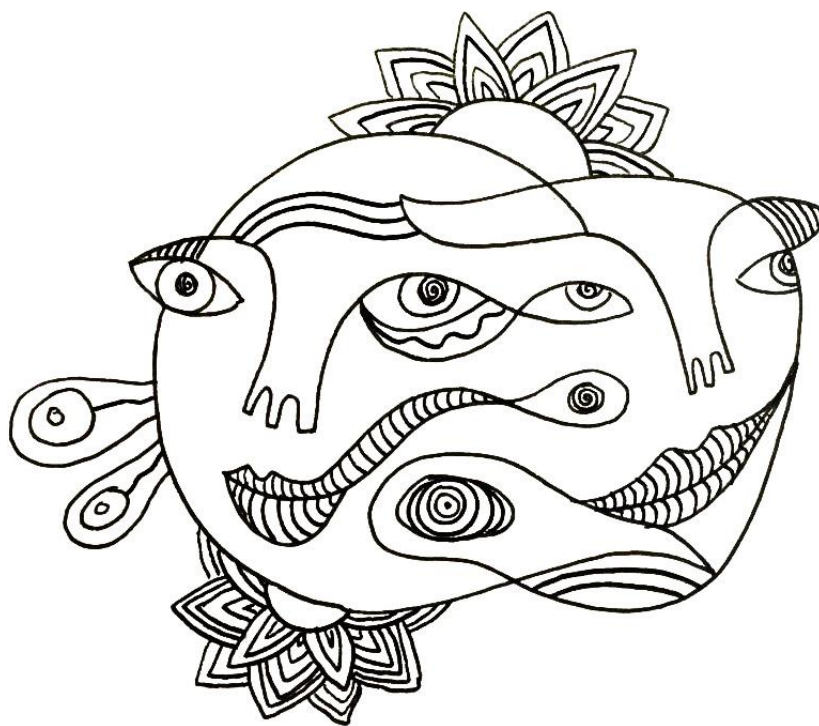
– Позвольте вас поправить, коллега: вихляющего по круговой орби...

– Что, уже прецессирует?!

– Все равно! В тот раз, когда Он Солнце выключил, было хуже! – заупрямилась Тара.

– Да ну! – (Это было хором, дальше хором-вразнобой): – Да там вообще проблем с **исходниками** не было, **только** почти **напряг с коомпесаторами** был.

Илл.: Роман Саульский

Многоликая Тара вздохнула, «мальчики» были правы: одно дело – термоядерная реакция, и совсем другое – тонкая настройка условий для высокоразвитой биологической цивилизации. Одна радость: био-особи живут мало, смена поколений происходит так стремительно, что ни

к одному индивидууму не успеваешь прикипеть душой, но зато управлять коллективным сознанием проще простого. Сто оборотов вокруг светила – и никто уже и не вспомнит, что этот кубик когда-то был шаром.

– Ладно, ладно! Не буравь меня взглядом,
– буркнул Зев. – Ну не сто лет. Ну тысячу.

– Спорим, тысячи не хватит, если...

– Кончайте спорить, помогите мне с Луной лучше! Кто у нас специалист по небесной механике? Рассчитайте траекторию спутника. Срочно!

* * *

Если ехать по северной дороге, по запрещенной дороге в сторону горы, за которой никогда не встает Солнце, говорят, умрешь не сразу, но зато самой мучительной смертью. Шаго в это не верит, а Марци... А что Марци? Влюбленная девочка. Верит в любое, что Шаго ни скажет. Поддержит всегда. Будет терпеть и не пикнет. Впрочем, Шаго такой, что терпеть ничего почти не приходится. Кроме моментов, связанных с приключениями.

Одна беда: приключения идут одно за другим, с Шаго иначе не бывает.

Они дружат с самого детства. Они бы по сей день дружили и только дружили, и ничего больше, но это «ничего больше» случилось между ними еще год назад, когда Шаго стукнуло тринадцать, а Марци – почти четырнадцать. Да, она на полгода старше, что с того? Короче, у них теперь не дружба, а любовь-любовь. О нормальной семейной жизни (в будущем) они не думают, обходят эту тему, словно тут и говорить не о чем. Но оба знают, что вряд ли у них получится.

Марци из крутой семьи, старший ее папа входит в совет по защите прибрежных вод, а младший папа обучает воздушников в закрытой школе. У нее вообще семья полная: два папы и две мамы. Еще и брат есть. Марци похожа на младшую маму, хотя процентное соотношение генов в пользу старшей мамы. Марци высокая и красивая, у нее светло-сиреневые волосы до плеч, в сухую погоду прямые, а во влажную серпантинятся забавно. Они почти всегда серпантином: в городе, где они живут, никогда не бывает сухо.

Все города построены у океанов. Их город – в глубокой уютной бухте. Когда в открытом море волны с маленький дом, у них едва мокнет стена набережной. Когда в море волны с двухэтажный дом, у них может переливать за стену, а может и нет. Ну, а когда начинает крутить, когда соседнюю Сентию смывает, когда жители Дворшиков уезжают в горы, а затем отстраивают свою деревеньку заново, тогда и только тогда в Гагене объявляют всеобщий аларм, бьют в гологола на сторожевых башнях, и все воздушники бегут к своим вертихвосткам.

На вертихвостках жителей города увозят в горы, подальше от разбушевавшихся вод. Марци много раз летала на вертихвостках, она даже умеет ими управлять, только у нее опыта совсем мало. А Шаго ни разу не летал.

Шаго из Дворшиков, из очень простой семьи. Единственная ценность, которая у него есть, маленький картонный квадратик, разделенный двумя диагоналями на четыре треугольные части. На каждом треугольничке – кусок картинки. Картинки стерлись и потускнели от времени, но все равно видно, что они очень, очень красивые и необычные. Такого ни в какой книжке не найти, а уж книжек Шаго видел в своей

жизни ого-го сколько! Штук двадцать – точно. Да какие там двадцать – пятьдесят! Ну да. Учебники ведь в счет...

Дворшики – рыбацкая деревня. Старший папа Шаго был хозяином артели рыбаков. Но, простите, он по совместительству являлся старшим папой еще половине ребят деревни! В Шаго его генов – один процент, минимальный минимум, необходимый для признания родительства. Ибо если нет двух пап, то в школу ребенка не возьмут, в первый класс только, научить писать-читать, а дальше все. Это правильный подход. Обучение стоит денег. Так что у школы должны быть гарантии, что оплата будет. Оплачивают в два этапа: в середине обучения и после окончания. Шаго окончил среднюю школу три года назад. Его взяли в старшую, хотя директор школы сильно сомневалась в том, что через четыре года нужная сумма будет уплачена. Но на тот момент оба отца Шаго были живы, и его оставили. Тем более, что учился он неплохо. Не первый ученик, но в первых рядах. Прошлым летом случился шторм, почти половина мужчин из Дворшиков погибли. Шаго, как и многие другие, остался без отцов... Ну, а мама у него всегда была одна: и за

старшую, и за младшую, и в доме, и в огорожке, и на разделке рыбы.

Сейчас и разделывать было нечего, и как дальше жить, непонятно. Школу бросать – все равно за три с половиной года придется заплатить. Где три с половиной, там и четыре. Зато диплом будет.

Шаго поговорил с мамой, они решили: доучиваться. Платить, разумеется, нечем. В таких случаях иногда отбирают дом, но почти всегда идут на уступку, забирая выпускника в зольдады. Зольдады Гагена стоят на страже города, защищают от сил моря и сил ветра, а многих из них отправляют изучать Север. Это дело опасное, но Шаго только того и надо. ...Марци никогда не отдадут замуж за зольдада. Даже младший ее муж будет иметь ранг не ниже подковника!

Шаго размышлял обо всем этом, шагая по Запретной дороге. Что значит «запретная»? Не заперта, не закрыта, кордоны не стоят, штрафовать путников никто не будет. Хочешь смерти – иди себе.

Желающих помереть тяжелой смертью в Гагене не было. Дураков нет! В Дворшиках после

того шторма были вдовы-самоубийцы: две бросились со скал на камни, одна травилась березовым ядом. Но чтоб пойти по Дороге Древних – такое даже им в голову не пришло.

По этой дороге ходят только зольдады. Исследуют. Но у них машины, специальное оборудование. У Шаго только еда в рюкзаке и теплый свитер. Едой его Марци снабжает. Свитер – отцовский.

Зачем он идет?

За чем он идет?

За чем – за сокровищами. Там, на Севере, непременно должны быть сокровища или хотя бы ценные вещи. Ведь если есть дорога, она ведет куда-то? В город Древних, например... Ни один из вернувшихся зольдад не рассказывает ни о каком городе, но Шаго верит. Если он найдет сокровища, можно будет заплатить за школу, найти хорошую работу и стать младшим мужем Марци. Все очень логично!

Но если честно ответить на

другой вопрос – зачем? – то логика разлетится ко всем морским чертовым гадам. Зачем, зачем... Затем, что Шаго просто интересно: а что там, дальше. Он не понимает, почему другим не интересно. Он готов к мучительной смерти. Лучше бы, конечно, выжить... Но если узнать правду можно только такой ценой, он готов.

Он уже ходил по дороге, хотя и недалеко. Чтобы к вечеру вернуться домой. На такое расстояние, по правде сказать, некоторые люди ходят. Грибники и травницы. Место, до которого ходить безопасно, отмечено большим зеленым кирпичом. Дальше есть оранжевый кирпич, это метка для отчаянных травников. До оранжевого можно дойти, ничего не будет, вот только ночевать там не рекомендуется: хоть ночь, хоть что – надо идти обратно. Ходят слухи, что дальше есть красный кирпич – это последняя граница, до которой доходить нельзя, потому что начнешь болеть, и тебе конец. Говорят, не сразу заболеешь, но постепенно язвами покроешься и помрешь. В их деревне дед один так помер. Божился, что не ходил никогда даже до зеленого, только в детстве пару раз, и все. Врал дед, не врал – теперь никогда не узнать.

В этот раз Шаго решил дойти до красного кирпича. Решил так: дойдет до оранжевого. Повернет назад. Отойдет на километр. Заночует. А с утра рванет вперед, мимо оранжевого, к красному. Идти будет ровно полдня. Даже если не дойдет – повернет обратно, чтобы успеть опять пройти оранжевый и заночевать в безопасной зоне. У него впервые такая возможность – уйти из дому на три дня. Мама нашла работу в Сентии. Теперь она будет неделю работать, неделю дома. Ура!

Первые километра три Северная дорога ровная, спокойная и совсем ничем от других дорог не отличается. Этот участок вообще не в счет. Тут даже дети играют.

Следующие километров двадцать тоже ничего особенного. Только все засыпано опавшими листьями. Листья гниют, а сверху сыплются новые. Где их смывает потоками, там тропа чистая. А где потока не было, там идти мягко. И две колеи – следы машин, на которых возят зольдад-исследователей.

С обеих сторон к дороге подступает лес. Самый обычный лес. Светлый и спокойный. А потом вдруг слева – туп. Тупы в их краях редко встречаются и шелудей мало дают. А этот туп

огромный, и шелудей можно набрать мешки. Шелудьями кормят свиней. Но нести отсюда слишком далеко. Совсем уж бедняком надо быть, чтобы из такой дали на своем горбу переть мешки. Но если ты такой бедняк, то свиньи у тебя точно нет. Вот тут, у тупа, и лежит зеленый кирпич.

Шаго знает, что дальше. Дальше – все та же дорога. Следующий туп встречается километров через пять. А потом постепенно тупов становится все больше. А дорога все такая же прямая-прямая, нигде не сворачивает. А дышать ни капельки не тяжелее. Хотя воздуха, чем ближе к Северу, тем меньше и меньше. А потом он совсем кончится. Но так далеко никто не ходил. Это теоретики рассчитали. Шаго теоретикам верит, и в богов, создавших мир, верит. А Марци...

А что Марци? Марци – как Шаго. Хотя, если честно, она больше склоняется к версии богов. Марци обалденная, легкая и веселая. Однажды она перекричала шум прибоя. Представляете? Приехала в Дворшики, он ее не ждал в тот день. Приехала, узнала, что он у моря, ищет выброшенное штормом добро. И пошла за ним. А он ведь не ждал, совсем не ждал. Шел себе

спокойно, выглядывая в паутине выброшенных на берег водорослей всякое, собирал в сетку крабов. Он тогда был совсем один, никто из их деревни не рискнул покинуть дом, еще не прошла последняя большая волна – ее называют последыш, она высотой в два этажа может быть, и появляется внезапно. Шаго не боялся: на его памяти такая волна была лишь однажды, и шторм в тот раз был куда сильнее. Одним словом, он шел, собирал крабов, бутылку нашел интересную, взял... И, конечно, думал о северной дороге, а еще о Марци. И до того задумался-замечтался, что ему послышался ее голос сквозь прибой: «Ша-а-го-о! Ша-го-о-о!» – шумел океан ее голосом. Словно она сама за спиной. Он даже оборачиваться не стал, только дураки оборачиваются на то, что чудится в шуме моря. Потом оказалось, это на самом деле была она! Мало того, что не испугалась последыша («а что тут такого, ты же не боишься?»), еще и с крабами ему помогла.

Вот и сейчас он слышал в шелесте листы далекого: «Ша-а-го-о...» Листья всегда шумит так, словно зовет его.

Надо торопиться. Опять он замечтался и сбавил темп. Надо ускориться. Шаго решил не делать остановки на обед или завтрак, а съесть на ходу что-нибудь. Кстати, еду надо экономить. Он, хоть и готовился к походу, но взял немного, чтобы не нести тяжесть. Сглупил. Но теперь что уж, поздно страдать. Ничего, перебьется.

– Ша-го-о-о!!!

Интересно, от голода бывают слуховые галлюцинации?

– Шаго, зараза, стой, говорят тебе!!!

Наконец он мотнул головой, стряхивая глупые мысли, и обернулся.

– Мацишка?!

– Нет, смерть с косой!

– Ты что? Ты как узнала?

– А не надо было врать, что завтра идешь!

Фух! Фу-у-ух! Стой, привал давай делай, а то тебя догонять – то еще удовольствие!

Только сейчас Шаго заметил, что его подружка не налегке, а с внушительных размеров рюкзакищем.

– Фух еще раз! – она скинула ношу на землю, впрочем, не бросив, а довольно аккуратно прислонив к стволу ближайшего дерева.

И стала махать руками, разминая плечи.

– Так, чего стоим, кого ждем? Давай, пока я тут немного «мельница», расшнуровывай рюкзак, перекладывать будем. Мне столько дальше не допереть. Хотя... Хотя – как скажешь...

У Марци было два состояния: в одном она командовала, делала вид, что крутая, что сама все решает; а во втором теплела, обмякала, сомневалась и соглашалась на все, доверяла и отключала мозги. Первое ее состояние всегда и только возникало в критических ситуациях. Пока она шла по запретной дороге, одна, не зная, догонит ли, есть ли, кого догонять, переключатель прочно указывал на боевое состояние. А теперь можно было снять с себя ответственность и стать маленькой.

Шаго покосился на рюкзак и осторожно поинтересовался:

– Марци, что у тебя там, еда?

Она отрицательно помотала головой.
Прядки волос-серпантинок встряхнулись и
опали.

– Одежда?

Одежда не весит так много.

Марци еще раз качнула серпантинками.

– Там защитные костюмы. И маски для
дыхания.

– Но... Отку...

– Откуда? Из подвала. У нас есть на случай
шторма-воронки. Если придется срочно лететь
на вертихвостке совсем далеко... Я вообще
сперва планировала угнать вертихвостку, но...
Но в этот раз извини, никак не получилось.

Шаго присел на корточки у рюкзака,
принялся развязывать лямки. Что теперь с этим
всем делать? Защита - это прекрасно, но все
планы к чертям. К тому же не факт, что защита
вообще понадобится. Дорога ровная, спокойная.

– Так, а это что такое?

– Это... это... Ты только никому не говори,
ладно? Это совсем секретная штука. Она
показывает беду. Как беда близко, она звенеть
начинает. Такой магический гологольчик.

– Магии не бывает, – возразил Шаго. – К тому же эта штука не похожа на гологол. Как она может звенеть?

Штука была вообще ни на что не похожа. По размеру – со шкатулку для хранения одового браслета – знаете, такого браслетика-оберега, который надевают на роженицу, а если рождается дочь, передают ей по наследству. Но только по размеру. Крышка коробочки не открывалась, орнаментов-украшений не было.

– Не знаю, как, но будет, – заявила Марци.
– Сперва будет пищать, затем звенеть.

– Ах, еще и пищать! Ну-ну...

Марци, влюбленная девочка, все готова простить. Но ей все равно каждый раз немножко обидно. Почему Шаго ни во что не верит?

Они извлекли защитные комбинезоны и разложили их на земле. Шаго видел такие на зольдадах. Но щупал впервые. Они были сделаны словно из металла, только такого мягкого, как ткань. Правда-правда, чуть плотнее ткани, из которой шьют зимние куртки.

– Супер! – одобрительно отозвался Шаго.

– Вот! – обрадовалась Марци и тут же напряглась: – Ты чего так тяжело вздыхаешь, словно медузу сожрал?

– Да потому что как такую тяжесть переть? Мы с ней и до оранжевого кирпича не дойдем.

– Ого! А ты хотел до оранжевого?!

– Я дальше хотел. Да что теперь толку обсуждать.

Все-таки стали обсуждать. Решили идти, сколько пройдут. Заночевать в безопасной зоне. А потом... Потом Марци надо будет обратно. Она только на два дня чудом отпросилась-отмазалась. Так что дальше они устраивают хоронушку: прячут-закапывают ее защиту, и она возвращается домой, а он со своим...

– Нет уж. Я тебя одну обратно не отпущу. Мало ли что. Мало ли кто.

...В тот день они, нагруженные костюмами защиты (не скафандры, конечно, но тяжесть приличная), прошли не так уж далеко. Но все-таки дальше зеленого кирпича. Это далеко, но жители Ёрса (так называли свой мир жители планеты-куба) привыкли к нагрузкам. Дело в том, что они с детства привыкли ходить немножко,

как мы бы сказали, «в гору»: чем дальше от океана, тем сила тяжести больше.

* * *

Шаго, Марци, их друзья, рыбаки Дворшиков и почти все остальные простые люди не знали о силе тяжести, градиентной гравитации и о том, как именно на самом деле устроен их мир. Но. Но они были уверены (и весь их жизненный опыт подтверждал эту уверенность), что:

– чем дальше от центра мира (указанного на всех картах, в середине океана), тем тебя больше прижимает к земле, тем сложнее идти;

– чем дальше идти, тем не только тяжелее мышцам, но и дышать сложнее, правда, для этого надо достаточно далеко зайти, много-много дней топтать, потому что дорог в те края нет, последние незапретные дороги кончаются там, где еще можно жить;

– чем севернее, тем холоднее;

– Солнце всегда встает на востоке и заходит на западе, в одних и тех же точках;

– Луна-мать всегда одного размера и висит в одной точке, над Центром мира – она домоседка, как большинство женщин;

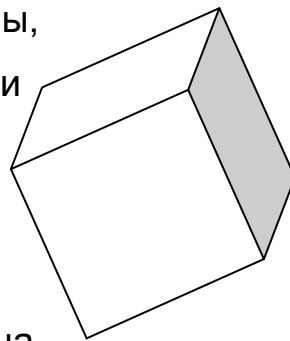
– Луна-отец, бродит кругами и овалами, бывает разной величины и даже цвет иногда меняет – непостоянный у него характер;

– мир их – большая чаша, четырехугольная чаша богов;

– то, что без богов дело не обошлось, это точно, а если нет, то кто тогда придумал и построил вертихвосток? Не люди же...

Ученые люди Ёрса и военные – высокопоставленные военные, конечно, а не простые зольдады, знали больше, но почти по всем перечисленным выше пунктам были согласны с простым человеком. Вот разве что по поводу чаши богов и богов вообще у них были сильные сомнения.

Во-первых, теоретики и астрономы, опираясь на многолетние наблюдения и произведя кучу расчетов, пришли к выводу: земля все-таки не чашеобразная, а плоская. И, вернее всего, имеет форму куба. А они живут на одной из его граней. Это была только теория, и

многие ее не принимали в силу пионерской новизны и абсолютной дикости. Сами подумайте: как это может мир иметь форму детской игрушки?! Вот чаша, чаша богов – совсем другое дело! Это просто, это понятно, в конце концов, это вошло во все легенды и является основной мудростью предков. Вы что, хотите сказать, предки ошибались? Однако теоретики с астрономами стояли на своем: мир-куб. И точка.

Во-вторых, военные, которым удалось сильно продвинуться в сторону непригодных для жизни территорий и отыскать на них много интересного, склонялись к мысли о том, что вертихвостки и многое другое создано отнюдь не богами, а какой-то древней цивилизацией, представители которой были людьми или очень похожими на людей. Правда, останков пока найти не удалось, но...

* * *

Я проснулся так рано, что вроде и не спал вовсе. Кажется, и миллиона лет не прошло. Зева рядом не наблюдалось. Вообще не представляю, где его носит. Буд торчал в

нескольких мирах одновременно; по-Моему, он даже не заметил Моего пробуждения. Хотя должен был. А вот Тара – мать Моя была бы женщина, если бы была! – Тара работала. О. Бал. Деть.

Я всмотрелся в то, за чем она так внимательно наблюдала. Прибрежные селения. Городок. Цивилизация уровня ВЧ2_ХыР_8 – я как раз такие люблю.

Дворшики. Сентия. Гаген... Ничего названия, мило.

Я зевнул. По-вселенски так зевнул, с размахом. Образовав мимоходом парочку незапланированных черных дыр. Нет, ну а что такого? Бог Я все-таки или не бог?! К тому же еще толком не протрезвевший...

Тарочка вздрогнула – это тоже поимело последствия в виде небольшого землетрясения. Дворшики разлетелись в щепки. Нет, ну а что такого? Она тоже какая-никакая богиня, мать ее женщина...

– Ой! – расстроилась Тара. – Привет... Как жалко... Из всей деревни теперь только один Шаго в живых остался...

– А кто это – Шаго? – вяло поинтересовался Я.

Она показала. Крепкий такой паренек, из простых, из нахалов, – такие никогда в Меня не верят. Таких Я люблю.

– Совсем один...

– А что это за жуть на нем напялена? – спросил я, стараясь больше не зевать и соображая, чего бы попить.

– Скафандр это, – пояснила Тара. – Он идет по Запретной Дороге на север, а там же радиация и воздуха нет...

– Да ладно... Воздуха-то почему нет?!

Я сотворил полгалактики воды и понесся над нею, подыскивая наиболее удобное место для глотка.

– Почему-почему... Потому что Ты, не знаю уж, с какого перепоя, придал этой милой планетке форму... куба!

Врет Тара. Ей ли не знать, с какого именно перепоя!

Я нашел подходящее место и втянул в себя одним махом почти всю воду. Осталось всего

ничего – и на пару планетарных систем не хватило бы.

Испив, решил доспать.

– Шаго жалко! – всхлипнула вдруг Тара.

Терпеть ненавижу, когда девчонки плачут.

– Ой, ну сделай для него что-нибудь хорошее... – скривился Я, отправляясь на божественную боковую.

– А чего можно? – деловито поинтересовалась Тара.

– Да всего, чего хочешь! – ответил Я. – Ни в чем себя не ограничивай!

И провалился в сон.

* * *

Дорога. Деревья желтые в два ряда – справа и справа, справа и слева, слева и спра... И если бы не тяжесть скафандра, если бы не попискивающая коробочка, идти себе и идти спокойно. Не думая о предстоящей мучительной смерти. Не думая о том, что Марци уже подыскали первого мужа. Не думая о маме, и о соседях, и о школьных учителях, которые если

не сегодня, то завтра уж точно кинутся его искать и бить тревогу. Не думать.

Чтобы коробочка пищала тише, Шаго спрятал ее в кошель. Кошель висел на ремне, ремень на шее, сам кошель получался – чуть выше пуза, под рубахой, под курткой, под скафандром. В кошеле – самое ценное: таблетка, деньги, пазпord и старинная картонка – та самая, с четырьмя полукартинками, отделенными друг от друга двумя диагоналями.

Дорога. Деревья справа и слева. Теперь уже почти только тупы, и под ногами все в шелудях, усыпано крупными шелудьями – Шаго таких крупных, пожалуй, и не видел никогда. Они похожи на плоды водорослей мионги, эти водоросли пристают иногда к днищам лодок. К папиной тоже приставали....

...Два дня почти ровной дороги. А потом, спустя сутки после красного кирпича, начинается понемногу. Незаметно начинается. Странное. Сразу и не понять, не осознать. Ты словно в гигантский овраг спускаешься – километр за километром, и все глубже, глубже. И вот уже стволы до неба в три обхвата, и кроны смыкаются над головой, скрывая небесный купол. И главное – на сотом километре еще

можно дышать. У Шаго в рюкзаке есть аппарат – помощник дыханию. Он тоже из зольдадского спец-снаряжения. И тоже от Марци.

Дыхательные помощники, как и скафандры, как и вертихвостки – от Древних. Эту дорогу тоже строили Древие. Никто в Дворшиках не верит, что они были. Они в богов своих верят. А это Древние строили. Раньше Шаго сомневался в том, как именно все было. Но теперь, чем дальше на Север, тем прозрачнее в голове: нет никаких богов. И не было никогда. Особенно добрых. Был бы в природе хоть один добрый бог – разве он позволил бы отдать Марци за другого?! Ы-ы-ы.... О Марци лучше не думать.

Неба почти не видно за густыми кронами тупов. Странно это! Даже если правы ученые, которые считают, что их мир – не чаша, а куб. Все равно странно... Ведь, если куб, то, приближаясь хоть к грани, хоть к вершине, ты должен как бы в гору подниматься! И воздуха должно меньше становиться... Но все как-то не так...

Темнеет... Пора, наверное, Останавливаться, искать местечко для ночлега...

Шаго решил: первая же поляна или хотя бы просвет, ровное местечко между тупами – и можно скидывать рюкзак. Но просвета все не было.

Вот почти совсем стемнело. Просвета все нет. Ладно, придется ночевать прямо посреди дороги. Конечно, это опасно, ведь, судя по все еще угадывающимся колеям, зольдадские машины сюда доезжают. А что если они пронесутся тут ночью? Раздавят, не успеют затормозить. Хотя... Ну, раздавят... Все одно ему скоро конец.

Ладно, еще сто шагов – и надо останавливаться. Раз... два... три... Неужели Марци будет счастливо или хотя бы равнодушно-спокойно жить с мужьями, которых подберут для нее родители?! Стоп! О Марци нельзя думать! Четыре, пять... На самом деле это не «четыре, пять», а, наверное, уже четырнадцать или двадцать пять. Он сбился со счета. Ничего. Шесть, семь, восемь, девять... Даже странно, отчего так легко идти? Шаго, конечно, крепкий, но третий день пути, скафандр, рюкзак... Наверное, оттого легко, что смерть ближе. Мучительная. Наверное, перед смертью всегда легко. Бабушка говорила: умирать – легко.

Бабушка легко умерла. Он скоро тоже легко умрет. Стоп! Не думать о смерти! Опять он сбился. На десяти? Да, вроде бы на десяти. Одиннадцать, двена... Стоп!

Вот теперь на самом деле было «стоп» – дорога окончилась. Оборвалась. Тупик. И тупы впереди. Справа тупы, слева тупы, впереди тупы! И в темноте – когда она только успела наступить! – не видно ничего и непонятно, что делать дальше.

В полном недоумении Шаго сбросил на землю рюкзак, кое-как устроил себе подходящее лежбище. Толстый слой сухих листьев здорово облегчил его нехитрую инженерно-строительную задачу. И только закрыв глаза, понял, что именно не так. Колёи от машин зольдад тоже обрывались!

Дорога может оборваться. Но машинам нужно развернуться.

* * *

– Хым, – сказал Зев. – Хым!

– И? – спросил Буд. – И-и-и???

Тара неопределенно повела плечиками. Одно личико многоликой Тары при этом скривилось, второе улыбнулось, прочие остались индифферентными.

– Дальше я пока не придумала.

– Хым!

– Но есть идея ограничиться тремя его сокровенными желаниями.

– Первое, допустим, легко исполнить... – Зев почесал подбородок, скрывающийся под солидной седой бородой.

– Чур, я в деле! – воодушевился Буд, потирая руки – в данный момент у него их было аж шесть.

* * *

Шаго все-таки замерз. Первое, что он увидел, открыв глаза – белую крупу на красной тарелке. Прямо перед его носом – нате пожалуйста! Крупа была похожа на манку: высушенных и размельченных прибрежных таракашек. Такой манкой-обманкой жители Дворшиков питаются в голодные годы, когда совсем уж плохо, когда ни рыбы, ни водорослей.

На вкус она ничего, даже сладковато во рту становится, если много слопать... Шаго высунул язык и слизнул несколько крупинок. Манка оказалась инеем на красно-буrom туповом листе – ночью подморозило.

Надо было решать, что делать дальше. Шаго отлично помнил, что заночевал прямо посреди дороги, которая неожиданно оказалась тупиком. Очевидно, придется возвращаться домой – ломиться на Север сквозь лес совсем уж глупо. Хотя... то, что он вообще поперся в такую даль на верную мучительную смерть, умным тоже не назовешь...

Шаго перевернулся на живот прежде, чем подняться, – вот это зря, иней был везде, и одежда немедленно пропиталась мокрятиной.

– Надо было в скафандре спать! – сказал кто-то.

«Ну вот, я уже голоса слышу... – расстроился Шаго. – Наверное, это начало мучительной смерти...»

– Seriously, на этой широте мы уже не рекомендуем зольдадам снимать скафандры, – продолжил голос.

Он был мужской, не слишком низкий, но низковатый, спокойный.

Шаго встал и понял: к слуховым галлюцинациям добавились зрительные: в том месте, где должен быть тупик, теперь никакого тупика не было, а уходящее вдаль пространство между деревьями преграждал странного вида двуногий типчик. В принципе, человек как человек, только морда красная.

– Мы прилетели за вами, чтобы немедленно вас эвакуировать и доставить в Гаген. Вертихвостки не смогли здесь приземлиться, поэтому нам придется немного пройти пешком. Полчасика. Хотите горячего бульона?

Шаго хотел бульона! Горячего бульона. Настолько внезапно захотел бульона, что даже не спросил, за каким лешим за ним прислали вертихвостку. Дорога, конечно, Запретная, да только ни один закон не запрещает по ней идти.

– Меня зовут Арцин Бадо, я кенерал и начальник группы защиты всяких важных шишек. А вы теперь важная шишка. Так что... Я и группа моих зольдад – отлично обученных зольдад – теперь, господин Шаго, в вашем подчинении...

Шаго поперхнулся бульоном. Мощно так поперхнулся. Кенералу Бадю пришлось хлопнуть его по колену (считается, если человек поперхнулся, надо срочно хлопнуть по колену, тогда пройдет). Действительно: три хлопка – и прошло.

– К сожалению, ночью случилось локальное землетрясение, и ваша родина, Дворшики, полностью разрушена. До основания. Никто не выжил. Только вы.

Шаго охнул.

– Согласно древнему закону – одному из непреложных законов – единственный выживший в таком случае получает статус главы региона, а при надлежащем выполнении своих обязанностей и главы государства, все регалии, полное обеспечение-пенсия на сто лет...

«Столько никто не живет!» – подумал Шаго и тут же еще подумал: «Может, мама выжила, может, задержалась на работе и не успела вернуться в Дворшики...»

– Давайте пройдем к вертихвосткам, господин Шаго... Не следует тут оставаться слишком долго – радиация...

– Ради кого? – не понял Шаго. – Ради
какого еще Ация?

* * *

Шаго и Марци сыграли свадьбу ровно
через год. Раньше никак нельзя было, траур по
погибшим жителям Дворшиков должен был
длиться именно столько. К тому же кто-то мог
объявиться: мало ли, уехал накануне, никому не
сказал, выжил... Но нет, за год так никто и не...

Мама Шаго погибла, как и все. Некоторых
так и не нашли под завалами, посчитали, что
смыло волной. Наверное, так оно и было. Но
мамино тело обнаружили и похоронили
подобающим образом – сожгли не в общем
костре, а в отдельном. Ведь ее сын теперь стал
главой.

Зольдадам также удалось извлечь из кучи
хлама кое-какую кухонную утварь и шкатулку с
открытками, которые Шаго каждый Новый год
получал от своего первого, формального, папы.

Пара кастрюль, шкатулка да старинная
карточка, разделенная диагоналями на четыре
треугольника – вот все, что осталось у Шаго от
прежней жизни. После свадьбы Марци

разместила кастрюли, начистив их до блеска, на почетном месте: на резной тальерке в их новой цветочной гостинной. Шкатулку с открытками припрятала понадежнее – такие реликвии не выставляются напоказ, они для особых случаев. Что касается карточки с картинками-половинками... Марци о ней знала, и даже предложила Шаго заказать для нее специальный сейф. Но Шаго, после долгих раздумий, от этой идеи отказался, хотя вначале разделял. Разместил карточку в подходящую по размеру коробочку и почти всегда носил на шее под одеждой. Все, включая кенерала Арцина Бадю, были уверены в том, что в коробочке-амулете портрет матери Шаго. И действительно, если открыть крышку, можно было увидеть портрет миловидной, не слишком молодой, но еще не состарившейся женщины работы известного в Гагене художника. А что там под портретом прячется – кто его знает!

Спустя год и три месяца Марци родила крепенького первенца, а спустя еще год – изящного второнца. За ними последовала дочка, не прошло и пары лет. Дочурка особенно удалась: столь очаровательного младенца можно было демонстрировать в качестве

образца для подражания. Шаго влюбился в Марцишку с новой силой. У него появилась идея реформировать систему образования в государстве, так, чтобы каждый ребенок мог... Он считал, что образование необходимо для того, чтобы исследовать толком, каков их мир, в конце-то концов, чаша он или кубик? Или что? Есть ли другие миры? Такие же они, как их, или иные? А боги? С богами-то что, есть они или нет? А Древние? Какие они были, эти Древние? Куда делись? Шаго в богов не очень верил, а в Древних – очень даже да... А Марци? А что Марци – она по-прежнему осталась влюбленной в Шаго девочкой, только теперь уже не девочкой, а матерью троих детей.

* * *

– Первое желание исполнено! – радовался Буд.

– Еще как! – светилась от счастья Тара.

– Пора переходить ко второму! – зевал Зев.

– Интересненько-любопытненько, как наш юноша воспримет правду...

Как могло быть Всемогущему Зеву
интересненько и любопытненько, а не
очевидненько и элементарненько?!

* * *

Шаго, став главой региона (не
единоличным правителем, а одним из, вдаваться
в подробности местного управления нет сейчас
никакого смысла), летал в вертихвостках на
Север. Над Запретной дорогой. В какой-то
момент дорога оканчивалась, но не тупиком, как
в ту ночь, а растворяясь на каменистой
поверхности – там, где леса уже не было, а тупы
росли изолированно и были мелкие, едва выше
человеческого роста.

В самый первый раз они долетели до плато
с тупами-карликами. Вылезли на поверхность в
скафандрах и с дыхательными помощниками.
Шаго попробовал вдохнуть сам, без аппарата, –
получилось. Однако воздух был какой-то...

– Хлипкий воздух, – охарактеризовал его
Шаго. – И холодно до жути.

– Такой воздух физики называют
разреженным, – пояснил Арцин. – Дальше к

северу еще хуже. Дальше на вертихвостках опасно летать.

– Из-за холода и радиации?

– Не. Они машинам нипочем. Но вращающимся лопастям надо опираться на воздух, за счет плотности воздуха они и взлетают. Образуется подъемная сила и...

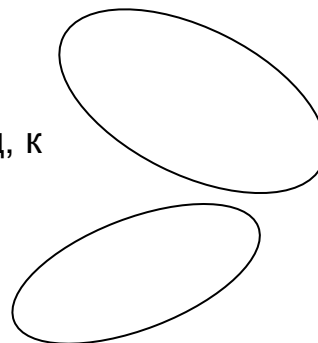
Шаго в целом понял. Понял главное: до Севера, до самого-самого севера на вертихвостках ему не добраться.

В другой раз они свернули к востоку от Запретной дороги, добрались до Серых Скал.

– Вот это место мы называем Дверь Древних, – Арцин погладил ладонью плоскую наклонную поверхность. – За ней пустота. Мы пытались взорвать ее – после очередной неудачной попытки моя морда и приобрела прекрасный цвет.

В третий раз слетали на запад, к двум идеально-овальным озерам.

– Вот еще одна загадка, – рассказал кенерал. – Вода в них одинаковая, мы проверяли. Но вот это озеро в морозы замерзает, а вон то – нет.

– И форма настораживает, – согласился Шаго.

Потом они еще пару раз летали к озерам и разок к скалам, когда ученые обнаружили непонятный наскальный знак. Шаго, как увидел знак, побледнел: половина его была нарисована на карточке, которую он носил на шее под маминым портретом.

Дочка уже научилась уверенно читать и уверенно-коряво писать, когда Шаго начал впадать в грусть, злость, меланхолию, агрессию и депрессию – во все по очереди. Конечно, жизнь его здорово изменилась после того злополучного локального землетрясения. И Шаго был благодарен судьбе или богам за эти изменения. Но, по сути, даже открывшиеся перед ним блистательные возможности мало приблизили его к разгадке той тайны, которая манила его всю жизнь.

Чаша или куб?

Куб или чаша?

Если чаша – что у нее со стороны дна?
Если куб – что на других гранях? Ответов на эти вопросы не было.

Экспедиции зольдад на Север продолжались. В прошлом году удалось достроить промежуточную базу в том месте, до которого кое-как могли долететь вертихвостки. От нее можно было отправлять далее на север машины-североходы. Но ничего принципиально нового разведать не удалось. Да, там все холоднее и холоднее. Да, на такой-то широте воздуха уже нет на столько-то, а радиация такая-то. Да. И... и, собственно, все.

Шаго как-то выдвинул на обсуждение идею попробовать пересечь край чаши (или ребро куба) не с севера, а с востока или запада. Но это предложение совет помощников отменил сразу по нескольким пунктам. И первым пунктом были соседние государства, расположенные на берегах Великого Океана. Что с запада, что с востока – страны агрессивные, не лезут с войной последние сто лет – уже благо. Лучше не соваться. А обходных дорог нет.

Реформу образования пробить удалось, хотя только отчасти. Шаго пытался уйти в это дело с головой, но постоянно с досадой возвращался к мыслям о невозможности разузнать правду.

* * *

– Пора! – решила Тара, когда Лилена, дочка Шаго и Марци, выиграла олимпиаду среди старшеклассников Гагена, написав поэму о павших жертвой стихий жителях Дворшиков (одну главу она посвятила своей бабушке – эти строки невозможно было читать без слез).

* * *

Шаго было уже более тридцати и он готовился стать Первым Главой государства (нынешний Первый находился при смерти). Реформа образования состоялась, недоброжелатели давно заткнулись, а новый Универзидед принял первых студентов – очень перспективных молодых людей, в числе которых были и оба сына Шаго.

В тот день будущий Первый сидел в своем кабинете над проектом корпуса-гостиницы для студентов, у которых нет возможности оплачивать жилье. Два архитектора всеми силами пытались пропихнуть всяческую роскошь: бани на каждом этаже, залы для бесед и отдыха и даже... сад на крыше. Такого в Гагене еще никому не приходило в голову: устроить сад

на крыше! Многим – лишь бы вообще была крыша над головой! Шаго раздумывал. С одной стороны, надо сделать бюджетненько. С другой: а пусть на века останется о нем память как о великом строителе и просветителе!

– Кстати, садом хотела бы заниматься ваша супруга, госпожа Марци... – вкрадчиво

Илл.: Роман Саульский

заметил один из архитекторов.

Марци уже проявила себя с этой стороны, разбив прекрасный парк вдоль новой

набережной, кстати, неплохо защищающей город от волн-последышей.

– Все-таки сад на крыше – это чересчур... – вздохнул Шаго. – Давайте ограничимся скромным сквером. И бани уберите. Нечего. Пусть в городскую ходят!

– Давайте хоть на первом этаже оставим! – возопили архитекторы.

– Давайте лучше эту площадь используем под...

Шаго так и не закончил фразу: в кабинет ворвался красный, как краб, генерал Арцин Бадо. Впрочем, он всегда был красный.

«Срочное! – подумал Шаго. – Неужели война? Только этого не хватало...»

– Срочное! – объявил Арцин. – Господа архитекторы, вы свободны.

«Точно, война...» – понял Шаго.

Но это была не война.

Спустя час Шаго летел к Двери в Скале, которую так и не удалось ни вскрыть, ни взорвать. Однако зольдадам удалось прорубить боковой тоннель и пробиться в многочисленные внутренние помещения. И обнаружить там некие

механизмы Древних, способные летать, не опираясь на воздух.

* * *

– Ну, что, делаем ставки? – предложил Зев.

– Сколько им времени понадобится на то, чтобы разобраться в ракетах? Десять лет?

– Года три.

– Нисколько, мальчики! Все в полной боевой готовности, подробные инструкции и РЭУ лежат аккуратно на полочках, горючее в канистрах... Сел и лети.

* * *

Спустя пять с половиной лет зержанд Сандо, пилот вертихвосток и старший сын Шаго, совершил первый пробный полет на космическом аппарате Древних. В самом аппарате ученые смогли разобраться достаточно быстро. Но вот наладить связь, подготовить площадку для посадки, сообразить, как управлять скалой, чтобы она раскрывалась и выпускала ракету, – все это оказалось не так-то просто.

– Она все-таки кубик! – радостно сообщил Сандо с орбиты. – Кубик, а не чаша! Так что я срочно перехожу на ручное управление, чтобы приземлиться на нашей поверхности и не улететь за ребро!

Сандо оказался молодцом. Посадить аппарат он не смог, рухнул в океан, но выбрался и даже спасся, хотя и добавил родителям седых волос (парня искали почти неделю).

Шаго в космос так и не полетел – у него уже начало барахлить сердце, да и многочисленные вылазки на север давали о себе знать, подорвали здоровье. Но часть правды ему теперь была известна: куб.

– Не кубик, а таки чаша, только не с круглыми краями, а с прямыми, квадратная чаша! – возражали ортодоксы.

– Не кубик и не чаша, – спорили солипсисты. – А исключительно наше представление о... А на самом деле вообще ничего и никого нет. И спорить мы с вами далее не будем, и вас нет, и нас нет.

– Ну и не будем спорить, ну и пошли вы все в клоаку! – кипятились самые продвинутые кубисты.

* * *

Вот как тут спать? Мысль о том, что может быть что-то проще кубика, не давала Мне отрубиться.

– Шар! – подсказывал Буд. – Ранее все небесные плотные тела, особенно планеты, Ты делал. А с этим кубиком мы еле справились, честслово! Спроси у Зева и Тарочки, если не веришь. Все мозги свои божественные сломали, пока стабилизировали.

Я мысленно взвыл. Мозги они сломали! Тоже Мне, задачка – кубик стабилизировать.

Просыпаться все-таки не хотелось. Я бросил ментальный взгляд на планету – обозрел, так сказать. Ага. Пока она была кубиком, тут сменилось две цивилизации, теперь третья. Причем – вот убожество! – сейчас только на одной грани. На остальных трех, пригодных для жизни – примитив и полнейшая неразвитость.

– Ладно, ваша взяла! – пробормотал Я. – Сделаю чего-нибудь проще кубика... Сами напросились.

– Мы не напра...

– Да будет... квадратик! – сказал Я.

И стал квадратик.

Вот теперь можно было спокойно отправиться на боковую. Что Я немедленно и сделал.

* * *

– Слушай, Зев, ты как хочешь, но Он – идиот! Что нам теперь с этим делать?!

– Э-э-э-ымм... Может... ничего?

– Ничего не делать?! У нас трехмерная цивилизация – на плоском, двумерном квадрате!!! Квадрате, Зев!!! Да будет тебе известно, дорогуша, что математически-плоские фигуры не могут обладать массой, а, следовательно, как гравитации и...

– Ой, Тара, давай плосканем всех – и ладушки.

– ?!

– Плосканем или одвухмерим... Превратим его любимую игрушку в аналог компьютерной двумерной. Тайловой, например.

– Тайловой?! Плоско-пиксельной?! Его любимую игрушку?! Да Он нас всех за такие штуки на пиксели разложит, когда проснется.

– Да ну, я тебя умоляю!!! Он еще пару миллионов лет теперь дрыхнуть будет.

– Ага! Ты и в прошлый раз так говорил – всего миллион лет назад. А Он взял и проснулся.

– Лучше бы не просыпался! – мрачно выдохнул Зев. – Кстати, а почему они все еще живы и даже ничего не почувствовали?

– Потому что я оперативно подсуетился и держу тут все в стабильном состоянии. Но я долго не продержусь, учтите! Тысячу лет – максимум. Кстати, видели бы вы, что за хрень Он накалякал с той стороны...

* * *

Да. Это была гигантская она. С той стороны мира-квадрата была «карточка», висящая на шее Шаго – одна из тридцати шести карт колоды «Мебиклейн». Ты можешь быть обладателем только одной такой карты. У тебя четыре половинки четырех рисунков. Твоя задача, задача всей жизни – найти обладателя другой

карты, на которой есть вторая половинка картинки. Вы совмещаете половинки карт и становитесь одним существом – Мебби Клейном. Существом высшего порядка. При этом ты остаешься самым собой – такая вот магия.

А если уж тебе удастся совместить все четыре картинки... О! Четыре Мебби Клейна – и ты Бог.

* * *

Шаго рано состарился – виной тому был уход Марци. Поздняя беременность близнецами изнурила ее. Близнецы родились прежде срока и прожили: первый – день, второй – неделю. После тяжелых родов Марци так и не оправилась. Иссохла за год. Успела поддержать на руках внука и... Тихо, ночью.

Весь Гаген вышел провожать ее в небо. Шаго было не узнать. Казалось, его больше ничего не интересует и никогда больше не заинтересует.

Но первое, что его заинтересовало: кто теперь будет следить за садом на крыше студенческого общежития? Сад был прекрасен,

его можно было бы включать в число семи чудес света, если бы на Ёрсе был список чудес.

Траур по первой леди государства подходил к концу, когда группа ученых добилась срочной встречи с Первым.

– Это наши новейшие исследования! – сказали ученые. – Наш мир проще кубика. Он... плоский.

И они развернули перед Шаго схемы и формулы.

– Вы можете ошибаться в расчетах, – устало сказал Шаго, едва взглянув на схемы. – Единственный способ узнать правду – полететь за грань.

Ученые переглянулись. Им было отлично известно, что после целого ряда неудачных попыток перелететь грань, после того, как четыре из пяти оставшихся от Древних космических аппарата были разбиты, решение заморозить заграничную программу подписали девяносто два эксперта из ста трех. А повторить-скопировать последний аппарат никак не удавалось.

– Видите ли... – осторожно заметил один из ученых, – если мир – квадрат, мы не сможем пере-ле-теть на ту сторону.

– Но мы можем попробовать прокопать ход на ту сторону, – бодро предложил его коллега.

Шаго погрузился в раздумья. Из окна его кабинета не было видно моря, но была видна башня с гологолами. Шаго вспомнил, как он впервые поднимался на нее. Они с Марци были подростками и еще даже не любовниками, просто девочкой и мальчиком. Хо́да простым горожанам на башню не было, но у Марци оказалось знакомство. Они поднимались все выше и выше, и у Шаго дух захватывало от мысли: вот сейчас он узнает сокровенное... Наверху было интересно. Но не сокровенно. Потом они спустились вниз и он, разочарованный, впервые ее поцеловал. Поцеловал, и показалось: ничего, жить можно и так, без сокровенного.

А жить, оказывается, все-таки нельзя.

– Нет смысла копать, – сказал Шаго, не отходя от окна и не поворачиваясь. – Мир не может быть плоский. Мы же часто копаем, делая

фундаменты под дома. И шахты у нас есть. Там земля, грунт, скалы...

– Это наносное! – хором возразили ученые, среди которых был и младший сын Шаго, Гион.

Волосы Гиона, сиреневые, спиральками-серпантинками, точь в точь как у Марцишки в юности, переливались в лучах солнца и загоразживали вид на башню с гологолами. Это была новая мода у парней: носить длинные волосы и ничем их не прихватывать. Гиону такая прическа очень шла, хотя он уже давно не парень, взрослый муж.

Шаго вернулся к столу.

– Давайте копать, – сказал он. – Сколько вам нужно денег и сколько месяцев на это уйдет?

– Простите, – сказали ученые. – Не месяцев, а лет...

– Копайте быстрее, – попросил Шаго. – Я хотел бы дожить до результата.

* * *

Тара всхлипнула – не всеми лицами, но третью точно.

– Не будь дурочкой, – фыркнул Зев. – Ты в любой момент можешь исполнить его третье желание.

– У него нет третьего желания! – взрыдала Тара. – На самом деле он уже не хочет доживать. Ему все равно.

* * *

Шаго дожил.

* * *

Я проснулся тогда, когда эти дети, мои маленькие боги, Буд, Зев и Тара, совместили свои три карты с картой Шаго – и он, почти слепой, почти глухой, едва передвигающий ноги, стал на три четверти новым богом.

– Мать моя женщина, – пробормотал Я (отлично зная, что в моих словах нет и грамма правды, поскольку у Меня никогда не было матери). – Что ж вы Мне поспать не дадите,

паразиты! Чего вам от Меня надо? Зачем будили?

– Зачем?! – хмыкнул Зев (никакого уважения к старшим!) – Ребята, доставайте список!!!

Вы думаете, первым пунктом в списке было «вернуть планете форму шара, которая проще кубика»? Неа. Это шло вторым. Поэтому прежде, чем заняться планетой, Я вытянул из колоды карту. И совместил ее с картой Шаго так, чтобы последний, четвертый, рисунок стал целым.

Илл.: Роман Саульский

Нина Кулик

* * *

Со звезды на звезду перепрыгну
И лёгкие крылья раскину.
Полечу по Вселенной
И в пену веков окунусь.

Где начало той песне?
Забытой и... незабвенной...
В ней и радость,
И грусть.

Подхвачу на Пути
Мириады пылинок прохладных.
Вспыхнет горсть
И рассеет частичек костёр.

В тёмном бархате снов
И сказаний узорах нарядных
Назовём мы Богов.

Кто уйдёт,
Кто в полёте познает пространство.
Кто-то в дым окунётся без слов.

За чертой облаков
Мы признаем непостоянство
И любовь?

* * *

Вот так мир!
Вот так пожар!
В зыбком движеньи
Стоять...?

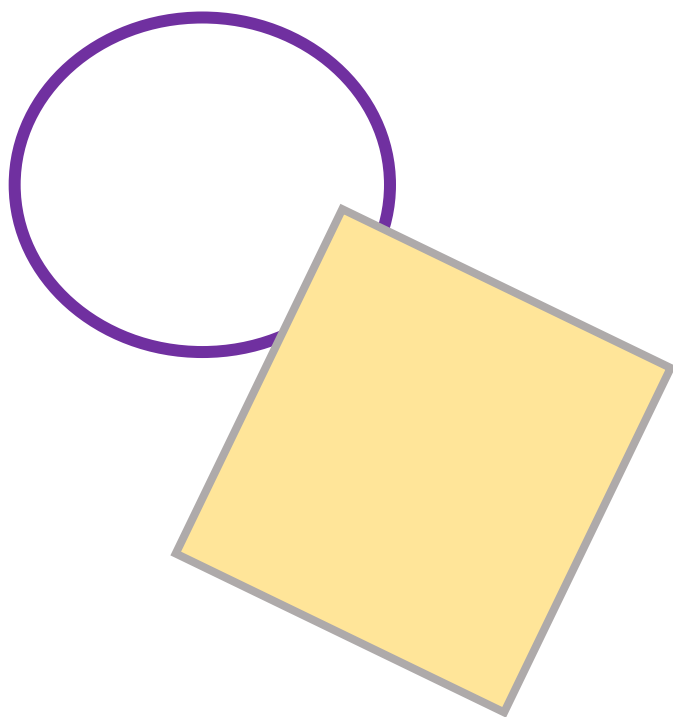
Есть свет,
Есть – и пропал.
Время – вспять?

Круг, бег,
Вечный квадрат,
Грёз страсть.

Встать и упасть,
Снова летать
Всласть...?

Почерк, строка,
Стих или бред.
Сон...?

Жизнь – на века!
Краток лишь
Мысли стон!

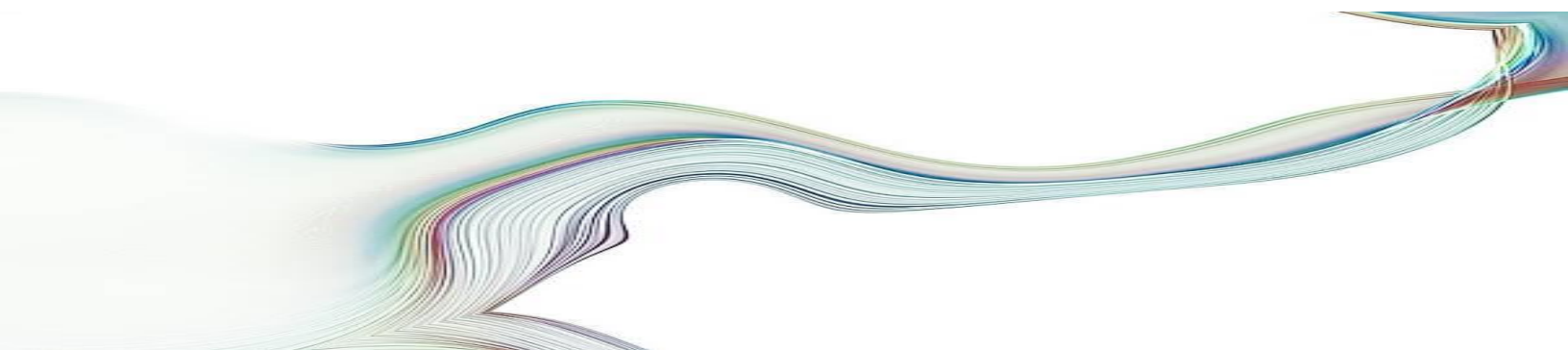
* * *

Сматываются в клубок
Слова и строчки.
Сказки забытой узор –
Разгадай!

Книги волшебной смысл
В многоточье
Не потеряй!

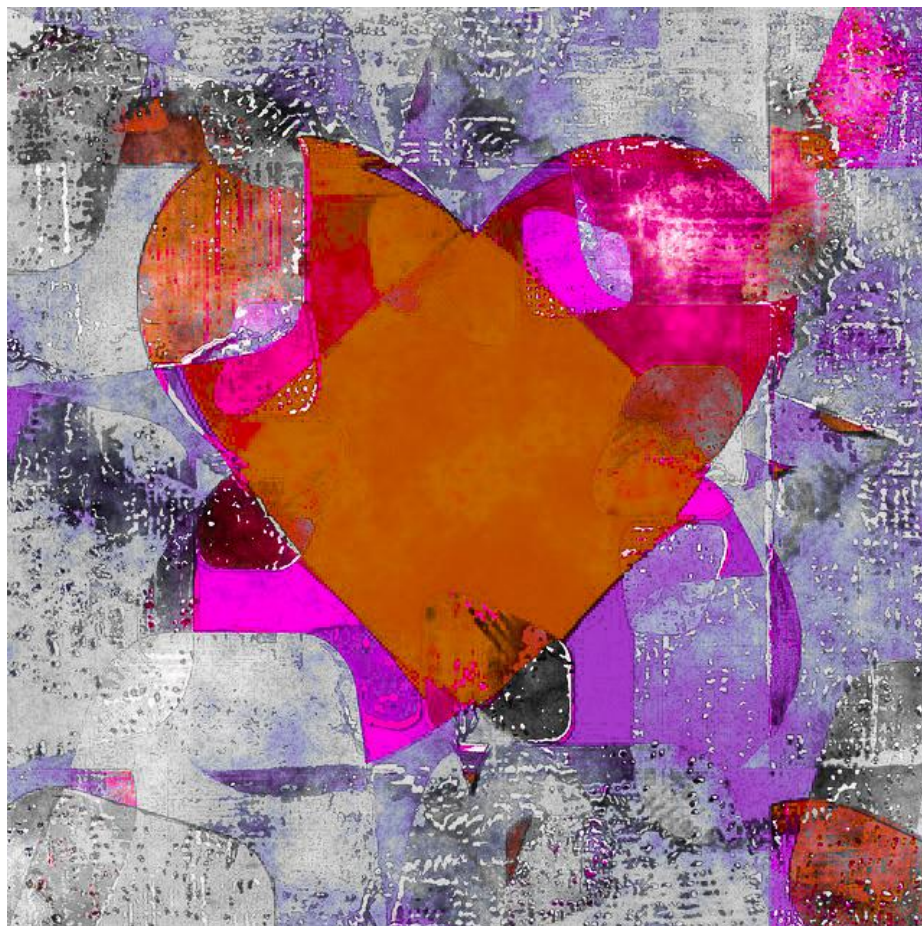
Палочка, дверь, загадка,
Времени круг?
Эльфов воздушных порядки,
Бездны Друг...

Нет, не держись за узор!
Сказка не в счёт!
Рвись на простор!
Жизнь нас рекой несёт...

Елена Хаецкая

ДЕНЬ СВЯТОГО ВАЛЕНТИНА

Святой Валентин — небесный патрон всех влюбленных. Говорят, что когда-то давно, в годы гонений на христиан, человек с таким именем сидел в темнице и ждал казни, а дочь

тюремщика, влюбившись в него, писала ему письма.

Говорят, что они вместе умерли и потом на небесах жили долго и счастливо.

Еще говорят, что они вместе бежали из тюрьмы и жили долго и счастливо на земле, но потом все равно умерли.

Иные же говорят, что его казнили, а она потом умерла от горя.

Но что бы ни говорили те, другие или иные, а четырнадцатое февраля, когда мы празднуем день Святого Валентина,— это день, когда умер Валентин.

Под утро в Валентинов день

Приду к твоим дверям — тук-тук.

И у ворот согласие дам

Быть Валентиной вам.

И у ворот согласие дам

Быть Валентиной вам!

(Песенка Офелии)¹

—Кто этот человек?— спросила я у родителей.

Мама наморщила нос:

—Какой еще человек?

А отец приказал:

—Не вздумай влюбиться!

Я фыркнула:

—В моем возрасте не влюбляются.

—А что же делают в твоем возрасте?— удивился отец.

¹ В. Шекспир. Гамлет, акт 4, сцена 5.

—Губят насмерть или спасают — но на время,— объяснила я.— Потому что спасение — это процесс, а гибель — результат.

Несмотря на всю мою находчивость, внятного ответа я все же от родителей не добилась. Оставалось еще два пути: продолжать строить догадки и познакомиться с этим человеком первой.

Видите ли, стол, за которым я делаю уроки, стоит возле окна. У большинства моих подруг рабочий стол упирается в стенку, и, если поднять глаза, можно вволю налюбоваться цветами на обойном ситце, какой-нибудь душеспасительной картинкой или пейзажем, а у Кати прямо перед носом висит целая галерея ее умерших родственников, и все они были в школе отличниками (или вообще получили потом правительственную премию). Поэтому Кати аж бледнеет, когда садится делать уроки.

Я, напротив, то и дело краснею. Это так, от разного сопереживания. Когда окно выходит на улицу, ты как будто стоишь там невидимкой и всех видишь, а тебя — никто.

Там, внизу, унылая, как мертвец, прачечная, куда два раза в день заходит какая-

нибудь женщина с недовольным лицом,— это раз; магазин скейтбордов, перед которым постоянно катается очень искусный подросток в развевающейся рубашке,— это два; и, главное, три,— маленькая пивнушка, откуда приблизительно в полдень выносят два стола и четыре стула с твердым белым кружевом вместо спинок.

Почти сразу же появляется этот человек и садится за столик. Когда я возвращаюсь из школы, он уже там. Он пьет пиво так, как другие люди дышат,— естественно, без всяких последствий для себя, безостановочно. Он пьет пиво из большой, никогда не пустеющей кружки, очень спокойно, даже отрешенно. Он не жадничает и не хмелеет. Когда мимо проносится подросток на скейтборде, он отставляет кружку и смотрит на него без любопытства, но доброжелательно.

Родители, очевидно, полагают, что меня должен интересовать подросток, такой ловкий и отважный со своими прыжками над летящей доской, но мое внимание полностью поглощено человеком с пивной кружкой.

Он не похож на пьяницу, я хочу сказать. Если бы он был пьяницей, он хотя бы раз, да

набрался и устроил дебош, а ничего подобного не случилось. И на маньяка, высматривающего жертву, тоже не похож; будь иначе, у нас бы уже кого-нибудь убили и распихали труп по мусорным пакетам, и весь район бы об этом судачил,— как тогда, когда мама Кати нашла в сардельке кусок женского пальца с накрашенным ногтем.

В общем, я не столько решала задачи по алгебре, сколько разглядывала того человека и строила относительно него разнообразные догадки, одна другой ужаснее. Мне было бы проще гадать о нем, когда б он был стариком. О стариках можно выдумывать что угодно — и это почти всегда оказывается правдой: ведь у стариков очень длинная жизнь, во время которой они успевают побыть всем, что ты только в состоянии о них вообразить. Но мой человек-загадка сильно усложнял задачу тем, что ему явно не исполнилось и тридцати, а, следовательно, в выборе вариантов я очень ограничена.

В общем, я терялась в догадках, наверное, месяца полтора — что свидетельствует, как вы понимаете, о недюжинной выдержке и немалой дисциплине ума,— а потом решила спуститься

на улицу и все-таки познакомиться с этим человеком лично.

Я перешла дорогу, с презрением миновала прачечную, гордо проигнорировала подростка на скейтборде (он меня — тоже) и уселась за столик напротив незнакомца.

Илл.: Роман Саульский

Я хорошо знаю, как выгляжу, потому что по дороге в школу отражаюсь последовательно в пяти зеркалах: в том, что у нас в прихожей, в том, что в подъезде, в том, что в витрине прачечной, потом еще за углом — в шляпном магазине, и в тонком, как лента, зеркале, которым отделана стена банка. У меня лицо

узкое, нос длинный, глаза как у дьявола в опере — чуть раскосые и зеленые, а волосы черные, как будто я надела парик. Будь я постарше, тот человек за столиком наверняка бы меня испугался.

А так он только посмотрел на меня внимательно и спросил:

—Тебе сколько лет?

Я ответила:

—Разве так начинают знакомство с женщиной?

Он положил подбородок на скрещенные ладони, поглядел на меня снизу вверх и сонно улыбнулся.

—Эй,— забеспокоилась я,— не спите. Вы что, спать тут собрались? Так тем более не начинают знакомство с женщиной! Хотя,— прибавила я,— иногда именно так его заканчивают.

Он сразу выпрямился и покачал головой.

—Прости.

—Это тоже слово из последних эпизодов,— грозным тоном напомнила я.

—Проклятье!— сказал он.— Да с чего же начать?

—Подумайте хорошенько.

—Ладно...— Видно было, что задача постепенно увлекает его. Он поворачивал глазами, пощипал себя за ухо и уставился на меня.— Так сколько тебе лет?

—Тринадцать,— сказала я.— А вам?

—Двадцать восемь.

—Неприятный возраст,— заметила я.— Некоторые в нем так и застревают до самой старости.

Он неопределенно пожал плечами.

—Должно быть, именно это со мной сейчас и происходит.

Я постучала согнутым пальцем по столу.

—Задавайте еще вопросы. Ну?

Если бы он спросил, в каком классе я учусь или какой предмет у меня любимый, я бы просто ушла. Но до него наконец-то дошло, и он поинтересовался моим именем. Имя у меня красивое, я охотно произношу его вслух:

—Инес Штром.

—Ух ты,— сказал он уважительно,— такое имя подошло бы мечу или пушке.

—Пушке?

Я попыталась представить себе эту пушку. Уж конечно, дальнобойная, с длинным стволом. На ней хорошо сидеть, когда она хорошенько нагрета солнцем и стоит где-нибудь во дворе музея артиллерии, а кругом — весна, и на голове у тебя венок из одуванчиков. И еще можно попробовать пройти по ней босыми ногами, до самого жерла, а оттуда — прыгнуть в траву.

А стрелять из такой — одно удовольствие. Нужно долго запихивать туда снаряд и по-всякому его прилаживать, проталкивая внутрь, а потом целиться, следуя указаниям издерганного, охрипшего лейтенанта, и, наконец, тянуть за веревку и поскорей хвататься ладонями за уши. Снаряд улетит с дьявольским хохотом и что уж он там натворит среди вражеских рядов — ты и не увидишь, потому что не твоего ума это дело.

Волочась по разбитой дороге, под дождем, ты толкаешь колеса своей пушки по имени Инес Штром и совсем не чувствуешь себя одиноким.

—Мне больше нравится быть пушкой,— сказала я.— Мечом — не так интересно.

—Значит, будешь пушкой,— согласился он покладисто.

—Теперь мой черед спрашивать,— заявила я.

—А тебе не пора домой?

—И что мне, по-вашему, делать дома?

—Уроки,— предложил он.

—Скажите, вы меня за дурочку держите или я все-таки похожа на пушку?— осведомилась я.

Он немного поразмыслил на эту тему.

—Мне трудно судить,— признался он наконец.— Тебе удастся сбивать меня с толку, что, несомненно, свидетельствует о твоём уме. Но, с другой стороны, много ли нужно ума, чтобы сбить меня с толку? Вот я и не могу ответить на твой вопрос однозначно.

—Следовательно, мы можем судить лишь об относительности моего ума касательно вашего,— восторжествовала я.— Как вас зовут?

—Валентин,— сказал он.

—Я назвала имя и фамилию,— надулась я.— Нечестно зажимать целый вопрос.

—Валентин Фихтеле.

—Ага,— сказала я и отвела глаза.

Он насторожился.

—Что?

—Небось, «Фихтеле» — не настоящая фамилия. Соврать решили.

Он засмеялся.

—Тогда — «Айзенбах». Подходит?

—Лучше уж Фихтеле,— проворчала я.

—Лучше просто Валентин,— сказал он.—
Заказать тебе сок? Тут, кажется, подают что-то
такое...

—Тут подают два вида пива, разбавленное
и не очень,— рассердилась я.— И я сюда не
ради выпивки пришла, а ради вас.

Я видела, что ему хочется чувствовать себя
польщенным, но он боится. Ему достаточно лет,
чтобы знать: неожиданности чаще всего бывают
неприятными, а женский интерес — тем более.

—Я вам не сделаю дурного,— обещала
я.— Мне просто хотелось с вами познакомиться.

—Почему?

—Потому что я каждый день вижу вас из окна.

—А я тебя вижу в первый раз,— признался он.

—Будь наоборот, я бы сказала, что мы оба погрешили против законов физики. Я их сейчас, кстати, изучаю.

—Вот как?

—Да. И вот вам главный закон физики: если ты за кем-то подсматриваешь из окна, задерни шторы.

—Ты задерживаешь шторы?

—Вовсе нет. Вы достаточно беспечны, чтобы я могла соблюдать законы физики, оставляя окно открытым.

Он повернулся и безошибочно нашел глазами мое окошко.

—Что ж, в таком случае, ты все обо мне уже знаешь. Мне двадцать восемь лет, меня зовут Валентин, и каждое утро я прихожу сюда — сидеть на стуле и пить пиво.

* * *

Дожди прилетали вместе с ветром, и трава принимала их благодарно. Она поднималась выше человеческого роста, полная влаги, а полю не было видно конца. В этом году, как и в прошлом, здесь не сеяли, и сорняки поднялись на сытной почве настолько рослые и крепкие, что колеса телег ломали их со звучным хрустом, словно это были кости. Безымянные пепелища за лето поросли лопухами.

Войска ходили по этой местности взад-вперед. В принципе, она должна была стать уже знакомой, почти родной, но Валентин так и не научился узнавать ее при каждой новой встрече, потому что каждый раз им давали новое задание: занять деревню, занять холм, выбить из рощи неприятеля, снять снайпера с колокольни. И всегда Валентину казалось, что это новая деревня, новый холм, новая роща, новая колокольня, а вот неприятель и отдельный снайпер — они, наоборот, всегда были одни и те же, неубиваемые, неизменные. Куда ни придешь — в какую деревню, в какую рощу, — они тут как тут, целые и невредимые, и требуется снова и снова их выбить, снять и уничтожить.

И вот они шли по дороге, которую Шальк почему-то узнавал, а Валентин узнавать отказывался. Он и дороги-то не видел — одни только сорняки в человеческий рост. Но Шальк утверждал, что они здесь уже были в прошлом месяце, даже пытался напоминать какие-то подробности. Валентин не спорил. Шальк — первый номер их расчета, все ответственные решения принимает тоже Шальк, когда до такого доходит дело. Валентин не видит выше колеса, в то время как Шальк тянет лошадь и имеет перед собой сравнительно широкий кругозор.

—Ну гляди, вон там же был дом сгоревший, а перед ним колодец,— напирал зачем-то Шальк.

Валентин отмолчался. Шальк запросто может разговаривать сам с собой, ему собеседники не нужны.

Дом действительно показался — и точно сгоревший, одна только печка торчит и два бревна угадываются в траве. И колодец наверняка поблизости.

—Ага, а дальше, вот увидишь,— деревня и колокольня вон там, на холме,— показывал Шальк торжествуя. Как будто в деревне нет

неприятеля, а на колокольне — снайпера, как будто не придется сейчас начинать все сначала в этом заколдованном круге.

Идти вдруг стало легче, дорога под ногами выгнулась, точно кошка, и стала твердой и сухой. Колеса покатались без понуканий, лошадь перестала задирать морду и потрусила веселее.

Валентин выпрямился, сделал несколько свободных шагов, вздохнул, подставляя лицо ветру. Справа и слева трава гнулась, влажная, под солнцем то серебряная до белизны, то вдруг почти черная.

Почти сразу же впереди возникла сумятица, все смялось, и Валентин споткнулся. Шальк уже бежал к нему, с винтовкой в отставленной руке, с широко раскрытым ртом — кричал что-то. Потом мелькнул штанами, сапогами и исчез — упал возле колеса, уперся локтями в землю, стал соображать, подмигивая шулерским глазом. Валентин нырнул вниз, к Шальку.

—Вон оттуда лупят,— показал Шальк подбородком.

Шальк напоминал подростка — маленький, востроносый, с блекло-серыми глазами,

белобрысый до бесцветности. Когда он в задумчивости жевал губами, то становился похожим на обиженную бабушку, но такое случалось редко и никак не бывало связано с какими-либо внешними причинами. Больше всего на свете Шальк любил свое орудие. На втором месте у него шли жареные сардельки и на третьем, с очень большим отрывом,— вальс «Голубой Дунай».

—Что там?— спросил Валентин, оказавшись рядом с Шальком.

Шальк щурился до подергиваний века, потом сказал зло:

—Не вижу, откуда стреляют...

Стреляли из рощи. В головах колонны уже завязался бой. Шальк обнял винтовку левой рукой, улегся на бок и вытащил закурить.

—Слушай, Валентин,— сказал вдруг Шальк,— а для чего тебе кисет, если ты не куришь?

Валентин молча смотрел, как ловко шевелится папироса на губе у Шалька, пока тот рассуждает:

—Я вот уже год как хочу у тебя об этом спросить, да все не получалось: то забываю, то время не подходящее, то еще что-нибудь.

А Валентин с какой-то странной тоской предчувствия понял, что сейчас придется ответить. Долго он ждал этого вопроса и знал, что рано или поздно вопрос прозвучит, и отмолчаться будет нельзя.

Валентин сказал:

—Это мне сестра подарила, Маргарита.

—Хороший подарок,— похвалил Шальк.

—Знаешь что, Шальк,— сказал Валентин,— если со мной что-нибудь случится, ты этот кисет себе заberi.

—Ладно,— легко согласился Шальк.

—Только не забудь,— предупредил Валентин.

—Сказал же, ладно,— Шальк выплюнул окуроч и снова прицелился.— Ага, теперь вижу!— обрадовался он.

Между стволами деревьев, в роще, перебегали темные фигуры, и Шальк повел одну из них, кривя гримасы.

По колонне пришел приказ двигаться дальше. Шальк вскочил и побежал вперед, к лошади, по дороге крикнув Валентину:

—Видел? Видел, как я его снял?

Валентин ничего не видел, но Шальку и не требовалось признаний со стороны медлительного товарища.

—Навались!— кричал Шальк, хватая лошадь за поводья.

Валентин налег грудью на колесо, орудие помедлило и покатилося дальше по направлению к деревне.

От колонны отделилось несколько человек, они побежали сбоку, непрерывно стреляя. Из деревни ударило орудие, раскидало землю между колонной и рощей. Лошадь присела, брыкнулась, и Шальк принялся успокаивать ее таинственной лестью.

Колонна разворачивалась для боя, явился и накричал офицер с красным лицом. Он почти мгновенно исчез, а Шальк сделался деловитым и начал мудрить с орудием.

Из деревни прилетел второй снаряд и разорвался далеко за дорогой. Шальк зевнул

несколько раз, как можно шире раздвигая челюсти, поворошил свои белые волосы грязными пальцами, потом сказал Валентину:

—Давай заряжай.

Валентин открыл рот, чтобы ответить, но между губ у него вместо слов потекла кровь. Шальк вытаращил глаза. А Валентин все двигал губами и кровь по-разному выливалась ему на подбородок, словно пытаюсь начертить какое-то слово.

Потом Валентин криво подогнул ноги и упал. Шальк посмотрел на него снизу вверх и вдруг вспомнил про кiset.

—Потом недосуг будет или еще что-нибудь случится,— сказал себе Шальк.— Это обидно выйдет.

С этим он присел рядом с Валентином на корточки и вытащил у него из кармана хорошенький, красиво расшитый мешочек с витыми завязками. Положил на свою твердую чумазую ладошку, подбросил, любясь работой валентиновой сестры. Та не пожалела ниток и бисера, вышила красивый геометрический узор, отдаленно напоминающий перезрелую розу.

Странно показалось Шальку, что кисет такой тяжелый. Как будто внутри что-то есть. Уж точно не табак, коль скоро Валентин не курит; но что же тогда?

Шальк дернул завязки и вытряхнул содержимое кисета на траву.

Илл.: Роман Саульский

В первое мгновение ему показалось, что это какой-то порошок — рубиновые кристаллики, целая горсть. Но это не был порошок в

собственном смысле слова, потому что все кристаллики объединялись легким, полупрозрачным светом, который подрагивал между ними, как живой. Когда Шальк поднял красное вещество с травы, оно как раз поместилось у него в руке. Можно подумать, то место на человеческой ладони, где скрещиваются все линии, нарочно изгибается колыбелькой для того, чтобы удобнее держать эту штуку.

И вдруг Шальк понял, что это такое.

Это было сердце.

Расставаясь с Валентином, Маргарита вручила ему свое сердце. Шальк поглядел на Валентина — с перекошенным ртом и осколком снаряда в спине, между лопаток; потом опять перевел взгляд на сердце у себя на ладони. Оставить бы себе — про запас, подумал он мимолетно, да ведь кто знает, как оно еще приживется, в неродственной-то груди. Лучше уж отдать Валентину. Он для того, небось, и носил его при себе в расшитом кисете, чтобы в крайней нужде воспользоваться. Только сначала нужно осколок вытащить.

Шальк положил сердце обратно на траву, перевернул Валентина лицом вниз и запустил ногти в осколок. Тянуть было неудобно — скользко, к тому же и засел глубоко. Пришлось постараться. Шальк все ногти себе посрывал, пальцы до судороги довел — пришлось потом дышать на них и растирать.

А Валентин лежал теперь расслабленный, лицо больше не кривил, даже умиротворился. Как будто все видел и обо всем догадывался.

Шальк подобрал с травы светящееся существо, поняньчил его немного на ладони — покачал взад-вперед, — чтобы оно ощутило человеческую ласку, а потом отпустил Валентину на грудь, и оно, как будто с благодарностью, стекло с его пальцев и впиталось в порванную одежду и в плоть.

Шальку не хотелось упускать ни мгновения; ему интересно было, как Валентин пошевелится, как он откроет глаза, как улыбнется впервые после пробуждения... Но тут прибежал лейтенант и начал устало кричать, и Шальк с Валентином начали бить левее, и разнесли колокольню вместе с возможным снайпером... В общем, Шальк все самое интересное про

Валентина пропустил, а расспрашивать его потом про второе сердце просто не решился.

* * *

Когда они заняли наконец деревню и обошли ее, то нашли там лишь несколько уцелевших домов, а в домах сидели озлобленные, насмерть перепуганные жители. Поэтому расположились за деревней, а не в ней самой, в старом блиндаже, который ими самими был построен, только в прошлый раз, и в прилегающем окопчике.

—Вся земля человеку дана в распоряжение,— философски заметил Шальк,— а он все под землю закапывается.

Валентину непривычно было ощущать внутри себя сердце сестры. Оно билось в груди с опаской, как будто постоянно вопрошая: так ли делаю? хорошо ли поступаю? удобно ли тебе?

И от каждого толчка кровь теплой волной разливалась по всему телу.

Валентин сперва радовался каждому удару сердца, а потом привык...

Однако жить без запасного сердца показалось ему весьма неосмотрительным, поэтому он почти сразу же стал подыскивать себе новое сердце в кисет и начал с деревни. Как уже говорилось, уцелевших домов там осталось мало, и заходить в них не имело никакого смысла, поскольку в каждом прятались люди, и каждый держал свое сердце в кулаке.

А вот опустевшие дома — совершенно иное дело. Там стоило пошарить. Нужно только хорошенечко подумать, где искать.

Валентин пробрался в первый же дом за околицей. Там снарядом разворотило крышу и хозяйственную пристройку, а за год запустения вещи в уцелевшей части дома наверняка пришли в негодность или были уже прибраны к рукам. Но Валентина не вещи интересовали. Он вошел через рухнувшую стену и остановился, оглядывая комнату: кровать со сгнившим, провалившимся матрасом и ржавыми шишечками, дощатый шкаф со стеклянными дверцами, укрытыми серым кружевом, горшок с засохшим растением. Стола и стульев не было, а под кроватью лежал листок бумаги.

Валентин нагнулся и поднял его. Развернул — увидел буквы. Они шли вкривь и вкось,

толстые, с трясущимися боками,— выводила их когда-то малограмотная рука.

Валентин не стал читать письмо, а просто сложил его опять по старым сгибам и убрал в кисет. А когда он затянул завязки, то почувствовал, как потяжелел сестрин подарок. Несомненно, кто-то из бывших обитателей дома хранил в том письме свое сердце.

* * *

Так, меняя сердца, шел Валентин вместе со своим орудием, за Шальком и лошадью, от рощи до деревни с колокольной, от реки до железнодорожной станции, а потом однажды он проснулся от того, что Шальк кричит ему:

—Война кончилась!

От радости шалый, Шальк уже был пьян и едва держался на ногах, а белые глаза в орбитах у него вращались так, как за всю войну ни разу не бывало. Уж в каких только видах его Валентин видывал, да только не в таком.

Вышли они к железнодорожной станции. Там Валентин сказал:

—Сколько мы этих станций брали, а в город ни разу не входили. Я вот даже понять не могу, это была одна и та же станция или все время разные.

Шальк махнул рукой.

—Может, лейтенант знает?

Но лейтенант тоже не знал. Он из последних сил сипел, чтобы грузились в поезд.

Лейтенант был хороший, поэтому его все угощали шнапсом, а он не спрашивал, откуда это взято. Потом поезд поехал подальше от войны, и Валентин впервые за три года ощутил, что не ходит больше кругами, а движется по прямой линии.

* * *

В мирной жизни все складывалось у Валентина как у обычных людей. Сперва он навестил сестру и узнал, что та счастливо избежала двух сомнительных замужеств с тыловыми крысами, которые во время войны были большими начальниками, а в мирное время оказались уродами и проходимцами. Что еще важнее — ни один из красавцев-офицеров,

что проходил через Айзенбах — родной город Валентина,— не сумел увлечь Маргариту на сомнительно-сладкий путь порока. Ведь у нее не было сердца, которым можно было бы играть и которое можно было разбить.

Поэтому Маргарита охотно вышла замуж за Шалька, а тому не было никакой нужды в ее сердце, лишь бы на кухне водились жареные сардельки, а в патефоне булькал по выходным вальс «Дунайские волны». Брак этот оказался очень спокойным и благополучным.

Как-то раз Маргарита призналась брату (они иногда, как в детстве, секретничали по вечерам на кухне):

—Будь у меня сердце, Валентин,— я и дня бы с твоим Шальком не прожила! Как можно любить его, такого невзрачного да скучного?

—Он на войне другой был,— ответил Валентин.— Он на войне был верным другом, веселым и храбрым.

—Дома он только с сардельками храбрый,— вздохнула Маргарита.— А веселый только сам с собой, под патефон и шнапс.

—Зато он по-прежнему верный,— возразил Валентин.— А ты какого мужа бы хотела?

Такого, чтобы изводил тебя ревностью, скупостью или изменами? Такого, чтобы бил тебя и позорил при детях?

—Да уж, ты прав, братец, для меня и Шальк хорош,— согласилась Маргарита и расправила на себе фартук.— А вот только я все думаю... Как бы оно повернулось, если бы я еще могла любить? Если бы у меня по-прежнему было сердце?

—Да все то же самое и было бы, только гораздо больнее,— ответил Валентин.— Ты пойми, Маргарита, человек — он и без сердца живет за милую душу. Вот видела ты, как черепаха ест? У нее во рту зубов совсем нет, а только твердые пластинки. И ими она отлично перетирает всякую пищу. И очень ей удобно, и никакой зубной боли. Так и ты, Маргарита, научись любить без сердца: тепло с тобой и надежно, и никаких страданий.

—Все равно,— сказала она тихонечко, упрямо так,— все равно мне бы хоть на денечек... хоть на два удара бы...

—Ладно,— ответил ей брат.— Достану я тебе сердце.

А люди где только не хранят свои сердца! Кое-кто отдает их тем, с кем поклялись перед алтарем, что проживут в любви и согласии всю свою жизнь. На такие сердца Валентин посягнуть бы, конечно, не посмел. Но таких сердец, к счастью, всегда мало.

В воздухе постоянно носится взад-вперед некоторое количество ополоумевших мамашиных сердец. Нужно только знать, где смотреть, и уметь правильно прищуриваться. Вот вложит мамаша все сердце в отпрыска, а потом давай то отбирать, то обратно впихивать: «Гляди, всю мою жизнь я на тебя угробила! Гляди, всей моей жизнью я для тебя пожертвовала!» Отпрыск уж отбивается, как может, плачет: «Заберите, мама, от меня ваше сердце, не надо мне его!» — «Как — не надо? — оскорбляется мать. — Да как же не надо? — волнуется она. — Надо тебе, надо, мама лучше знает, что тебе надо!» И втискивает ему нежеланный дар обратно, да еще поверх утрамбовывает кулаком... а после ведь снова отбирает, да еще и сердце отпрыска прихватить норовит. Сплошное мучение! Нет, не нужно Валентину таких сердец. Мало ли какая беда от них потом выйдет.

Прошел Валентин мимо банка. Остановился, глядя на окна, забранные решетками. Там в любой ячейке, в любом сейфе сердца заперты десятками, хоть на веревку их нанизывай, но все мелочь, поди, или вообще фрагменты. Люди после войны стали гораздо умнее, чем были до войны. Научились безболезненно членить свое сердце. Кусочек себе, кусочек в банк, кусочек в церковную кружку.

Кстати, вот и в церковную кружку Валентин заглянул, не побрезговал, а там — одни опилочки да огрызочки, как будто с краешку пооткусывали, остороженько, чтоб цельность не сильно нарушить.

Да что ж ты будешь делать! Маргарите ведь большой любви хочется, чтобы полным сердцем, а не только рассудком, чтоб нормальными зубами, а не деснами, как черепаха.

Не заслужила Маргарита обрезочков и опилочек. Ограбить бы ради нее банк — так ведь и там такое добро хранится, сущая дрянь. Кто же хорошее сердце в банк положит?

Шел Валентин себе, шел и выбрался в предместье. Здесь дома стояли одноэтажные, за

заборами, кое-где весело брехали собаки, довольные, что им нашлось какое-то дело, и бежали вдоль заборов, провожая Валентина. А в одном заборе обнаружилась прореха, и Валентин беспрепятственно проник во двор.

Здесь не наблюдалось большого порядка или какой-то особенной красоты, однако заметно было, что живут в этом доме с удовольствием и больше всего ценят простые земные радости.

Валентин укрылся в тени яблоневого дерева, чтобы оглядеться получше и прикинуть — где здешняя хозяйка, фрау Кнопфель, может держать свое сердце. Уж точно не при себе.

И тут нахлынули на Валентина воспоминания о войне — на первый взгляд, очень некстати,— и о том, как спать хотелось, и еще о том, как хотелось есть. Взгляд Валентина сам собой устремился к хозяйскому леднику, и улыбка вдруг вспыхнула на его губах: ну конечно же! Крадучись, Валентин подобрался к тяжелой деревянной двери, отворил ее и проник внутрь.

Там было холодно и пахло простоквашей. Валентин подождал в полумраке, пока глаза опять начнут видеть после дневного света, и осторожно огляделся. Он держался в леднике

фрау Кнопфель так, словно за каждой бочкой, за каждой колбасной связкой мог прятаться снайпер.

И тут он увидел большой горшок.

Это был почтенный старинный горшок, очень пузатый и до краев наполненный сметаной.

—Эй!— воскликнул горшок.— Что это ты здесь делаешь, голодранец?

—Я не голодранец,— обиделся Валентин,— а солдат N-ского полка Валентин Фихтеле.

—Ха-ха, Фихтеле!— отреагировал горшок.— Так я тебе и поверил. Ты нарочно называешь мне неправильную фамилию, чтобы я потом не мог заявить бай дер полиц. Ну, признавайся, что ты здесь делаешь?

—Мне нужно еще одно сердце, дополнительно к моему,— признался Валентин,— а такие люди, как фрау Кнопфель, обычно хранят свои сердца в холодильнике. Оно и безопаснее — как для семейной жизни, так и для семейного бюджета. Ведь если твоя фрау прогневается на домашних, то с легкостью поотрывает им головы, поэтому ей лучше

держат свое сердце в прохладе. А если она увидит бедняка, то отдаст ему половину имущества, поэтому...

—Поэтому ей нужно остерегаться сердечной теплоты,— заключил горшок.— Да, Фихтеле, если только тебя действительно так зовут, ты, кажется, соображаешь. Но для чего тебе понадобилось второе сердце?

—Это не мне,— ответил Валентин сокрушенно,— это моей сестре. Видишь ли, она отдала мне свое, а я...

—Уж не артиллерист ли ты, часом?— подозрительно осведомился горшок, перебивая Валентина.

Валентин удивленно посмотрел на горшок, потом сунул палец в сметану и облизал.

—Что, хороша сметана?— хмыкнул горшок.— Моя фрау Кнопфель отнюдь не дура. Но меня ты всеми этими штучками не задобришь. У нас с тобой разный масштаб. Однажды я один накормил целую армию великого короля Фридриха Прусского. Что, удивлен?— помолчав, прибавил горшок.— Сам старый Фриц зачерпывал из меня ложкой да похваливал.

—Невелика, видать, была армия у старого Фрица, если тебя одного на них на всех достало,— уязвил его Валентин.

—А меня несколько раз наполняли!— Горшок оказался не так прост, как выглядел.— Хоть ты и артиллерист, Фихтеле, а погоришь когда-нибудь на самом простом. Все пушкари такие — ведь сделка с дьяволом до поры до времени, а потом-то и начинается самое интересное.

—Никакой сделки я не заключал,— возмутился Валентин.— И хватит болтать, старый горшок. Я пришел за сердцем фрау Кнопфель.

С этими словами он запустил руку и тотчас нащупал в сметане то, что искал.

И это сердце оказалось просто замечательным: округлым, упитанным, цельным, хорошо сохранившимся и, несомненно, способным на искреннюю любовь. Валентин обтер его подолом рубахи, завернул в чистую тряпицу и спрятал в карман. Горшок наблюдал за ним неодобрительно, но ничего не говорил, а когда Валентин уже собирался уходить, окликнул его:

—Скушай тогда уж и сметанки...

Со сметанными усами Валентин возвращался домой. Маргарита все поглядывала в окно — она первая заметила брата и выскочила поскорее ему навстречу.

—Принес?— прошептала она ему в ухо, приподнимаясь для этого на цыпочки.

Валентин молча взял ее за руку и потащил в дом.

—Идем.

Они поскорее вошли на кухню и заложили задвижку. Маргарита жадно смотрела, как Валентин вынимает из кармана платок, кладет на стол, откидывает уголки.

Упитанное сердце фрау Кнопфель мерцало радостно и с любопытством. Оно явно стосковалось по теплу — а кто бы, спрашивается, не стосковался, сидючи столько лет в горшке со сметаной, да еще в леднике!

—Это мне?— влюбленно спросила Маргарита, протягивая к сердцу руки.

Валентин только кивнул, не в силах произнести ни слова. Он смотрел, как сестра подносит сгусток света к своей груди, и как

постепенно теплое сияние заливает ее глаза и щеки.

Она моргнула несколько раз, потеряла крохотную слезинку и вздохнула.

—Все?— спросила Маргарита и огладила фартук у себя на груди.

—Да,— ответил он. Ему интересно было, сильно ли изменится сестра, но Маргарита оставалась прежней.

А потом она сказала:

—Что-то мне ужасно, просто до смерти, захотелось сметаны!

* * *

—Ты так и живешь у Маргариты и Шалька?— спросила я.

Валентин кивнул.

—Ясно,— вздохнула я.— Это все равно как я живу у мамы и папы. Мало веселого. Если бы я была тобой, я бы тоже уходила куда-нибудь пить пиво на целый день.

—Ага, ты меня понимаешь!— обрадовался он.

Тут мама выглянула из окна, увидела нас вдвоем и закричала:

—Инес, немедленно иди домой!

—Ну вот,— сказала я, поднимаясь,— видишь, что я имею в виду?

Он кивнул и проговорил, почти не двигая губами, чтобы моя мама не поняла:

—Завтра я тоже буду здесь.

* * *

Вот так мы встречались — иногда я пробегала мимо, возвращаясь из школы, а иногда стреляла в него жеваной бумагой из моего окна. Меня сильно беспокоил вопрос о пушках, которые, как сказал горшок фрау Кнопфеле, всегда заключают сделки с дьяволом. Такая уж у пушкарей природа, ничего не поделаешь.

Я написала Валентину записку, где изложила свои соображения на сей счет. Я сделала из нее самолетик и запустила из окна прямо ему в пиво. Потом села на подоконник и стала смотреть, как он читает. Он выловил самолетик из кружки, стряхнул с него пену,

развернул и некоторое время разбирал написанное. Признаюсь, почерк у меня неважный. Да еще чернила, наверное, расплылись. Но, в общем, он прочитал и, посмотрев наугад в сторону моего окна, пожал плечами.

Он не знал.

Я тоже пока что ничего не придумала.

На следующее утро, проходя мимо закрытой по случаю раннего часа пивнушки, я заметила засунутый в щель между ставнями клочок бумаги. Прямо на ходу я выдернула его, добежала до угла и только там разложила на ладони.

Валентин назначал мне свидание. Он писал, что будет ждать за школьным стадионом. Там есть одна лавочка, уцелевшая от старого парка, каким он был еще до реконструкции. Вообще это место довольно подозрительное, но я согласилась с легкой душой и едва дождалась конца уроков.

Когда звенит звонок, я убегаю из школы первая. Меня гонит, во-первых, лютый голод, а во-вторых, острое ощущение быстротечности жизни. На уроках ничего подобного нет и в

помине, я покорно пережевываю минуты и формулы, часы и грамматические правила; но стоит прозвенеть последнему звонку — и жизнь срывается с места в бешеный галоп, так что мне приходится хорошенько поторопиться, чтобы успеть за ней.

Поэтому-то никого и не удивило, что я бегу сломя голову за школьные ворота. Подруги, обычно задерживающиеся минут на пятнадцать поболтать, давно уже оставили попытки включить меня в компанию. Во время перемен или прямо на уроках — сколько угодно, но после занятий я неизменно улетучивалась.

Завидев меня, Валентин встал и пошел навстречу.

—Привет,— крикнула я, задыхаясь от бега, волнения и голода.

Он вытащил из кармана мятый бутерброд с сардельками.

Не поблагодарив, я схватила бутерброд и запихала его в рот целиком. Он спокойно наблюдал за тем, как я уминаю сардельки. Наконец я облизала губы и сказала:

—Что будем делать?

—Ты хотела поговорить,— напомнил он.

—Ну, да,— сказала я.— Это насчет артиллеристов. Ты помнишь, как продавался дьяволу?

—Нет,— ответил он.

—Почему?

—Потому что я этого не делал.

—А Шальк?

—Не уверен. Видишь ли, Инес, нас ведь не спрашивали, хотим ли мы быть артиллеристами.

—А дьявол об этом знает?

—Предлагаешь спросить его?

—Нет,— подумав, ответила я.— Для того, чтобы его о чем-то спросить, его нужно вызвать. Это будет означать, что мы хотим с ним иметь дела. А мы не хотим! Ну и потом, иногда человек — или, в данном случае, дьявол — ни о чем таком и не помышляет, а ты его спросишь, не делал ли он то-то и то-то, и тем самым как раз и надоумишь сделать то-то и то-то.

—Умно,— похвалил Валентин.

Почему-то этот разговор совершенно меня успокоил. Мы пришли к выводу, что у горшка устаревшие понятия об артиллеристах.

—Глупо тревожиться из-за того, что сказал какой-то старый горшок сметаны,— прибавил Валентин, и мы стали смеяться.

Честное слово, мы даже за руки не держались. Но я пришла домой совершенно счастливая.

* * *

Мы встречались время от времени всю осень, пока в пивнушке не перестали выносить на улицу столы. Если мы не могли увидеться, то тайком писали друг другу письма. Я рассказывала о том, что происходило в школе — разные события или изречения; а он писал всякие невнятные фразы, например:

«Коснулась госпожа Осень пальцем листа, и он пожелтел. Дружит госпожа Осень с деревьями, и никто не остановит ее; дружит госпожа Осень с деревьями, к деревьям она приходит. К людям же приходит только Смерть».

Я пыталась расшифровать эти послания. Мне казалось, Валентин вкладывал в них какой-то глубокий, может быть, даже философский смысл. Но сколько я ни старалась — ничего не понимала, только становилось по-особенному печально на душе, и я смутно догадывалась о том, что Валентин в меня влюблен и что письма его — любовные, и никакие иные. Поэтому я прятала их в шкафу, где держала носовые платки, ленты и новые чулки.

В середине зимы возле школы меня остановила какая-то женщина.

Она была лет тридцати, невысокая, довольно плотная, но, несмотря на видимую упитанность, все равно выглядела голодной. Так бывает, если человек за жизнь очень настрадался. Вот я вечно голодная, но выгляжу сытой и довольной,— это потому, говорит мама, что я горя не ведала.

Я сразу догадалась, кто эта женщина.

Она меня поймала за рукав и говорит:

—Ты — Инес Штром?

Я остановилась в школьных воротах — неслыханное дело!— и говорю:

—А вы, наверное, Маргарита Шальк?

Она засмеялась и заплакала сразу, и мы пошли вместе.

Когда мы отошли от школы на порядочное расстояние, она сказала:

—Ты в точности такая, как он тебя описывал. Я сразу тебя узнала.

Я ответила:

—А вы ну совершенно не похожи на ту, что он описывал, но я вас тоже сразу узнала. Вы зачем пришли — чтобы разлучить нас навеки? Как только станет тепло, в пивной начнут выносить столики и стулья на улицу, и он снова будет приходить, вот увидите. И уж я, конечно, не премину выглянуть в окно и, может быть, скорчу ему рожу или пущу зайчика ему в глаза. У меня и зеркальце для этого уже куплено.

—Нет,— сказала Маргарита.

Тут я насторожилась: уж больно грустно произнесла она это «нет».

—А что случилось?— спросила я, пиная на ходу мой мешок со сменной обувью.— Хотите сказать, вы ему помешаете? Или, думаете, вмешается моя мама?— Тут меня поразила одна

ужасная догадка.— Что, мама уже побывала у вас дома и категорически настаивала, чтобы эти встречи прекратились? Или она нашла нашу переписку?

По лицу Маргариты я увидела, что в двух фразах я выболтала все мои тайны, о которых никто раньше даже не подозревал. Про встречи и переписку, я имею в виду.

Маргарита потерла ладонью щеку и покачала головой.

—Твоя мама? Ее и близко у нас не было. А вот ты...— Она помялась.— Ты не могла бы к нам зайти? Он хотел бы тебя повидать. Валентин.

—Сам пусть зайдет и повидает!— с вызовом произнесла я. Девочки должны быть гордыми, даже если их секреты уже выболтаны. Всегда следует создавать иллюзию, будто самая главная тайна все-таки еще сохранилась и уж ее-то точно никто не узнает.

—Валентин умирает,— сказала Маргарита.

И потерла ладонью нос. Она смотрела перед собой растерянно, как птичка.

Я сказала:

—Я думала над этим вопросом. Как только Валентин засел дома, и в моих мыслях появилось свободное пространство, я сразу же принялась размышлять. Не считайте меня такой уж эгоистичной! Я уже купила колоду карт.

Маргарита повернула голову и посмотрела на меня.

—Что ты купила?

—Карты,— повторила я.— Колоду карт, понимаете? Чтобы играть в скат.

—Играть в скат?

—Пушкарь может обмануть черта,— объяснила я.— Пушкарь может обыграть его в карты.

Тут Маргарита остановилась и разревелась. Она вся расплылась и затряслась, и слезы сочились у нее не только из глаз, но из носа, изо рта, из каждой поры, кажется, выкатывалось по слезинке, так что в конце концов все ее лицо покрылось коркой льда. Мне пришлось подышать на этот лед, а потом осторожно стереть его рукавицей.

—Теперь у вас на носу будет царапина!— сказала я с укоризной.— И ваш муж будет думать, что это моя вина.

—Никто не виноват,— ответила Маргарита (мы уже почти совсем подошли к ее дому).— Валентин был сильно ранен на войне. Шальк вытащил его из-под огня. Мы думали, он оправится, и летом ему действительно было хорошо. А с наступлением зимы началось ухудшение, и теперь совсем не осталось надежды.

—Но ведь у него было запасное сердце,— сказала я.— Разве это не помогло? Оно лежало в кисете, который вы для него вышивали...

Она вытаращила на меня глаза, как будто слышала о таких делах впервые. Потом углы ее рта обмякли, и она сказала:

—Да, он всегда был выдумщиком...

Я крепко сжала ее руки.

—Мне нужно сделать одно дело. Вы идите, а я приду чуть позже.

Она отошла на пару шагов, но оглянулась и замешкалась. Я кивнула ей в знак того, что не

обману. Она ушла очень поникшая. По-моему, она мне не поверила.

Но я не могла прийти к Валентину с пустыми руками. Я зашла в одну книжную лавочку по соседству. Там продавали не только книжки, но еще и открытки, и тетрадки, и всякую мелочь, какая может понадобиться школьнику.

У меня оставалось немного денег. Как раз хватило на одну тетрадку. А ножницы я попросила на время и потом вернула продавцу. У него был очень недовольный вид, и в обычное время меня бы это озаботило, но только не сегодня, когда Валентин нуждался в моей помощи.

Я выскочила из магазинчика, как пробка из бутылки, то есть с большим грохотом, и перебежала через улицу. Маргарита сразу открыла дверь. На ней был фартук в горошек, с оборками, и она вытирала об этот фартук ладони.

—Привет!— крикнула я и бросила на пол свой школьный рюкзачок и мешок со сменной обувью. Потом я скинула шубку, сапожки и побежала прямо в комнату. Маргарита пошла за мной.

Валентин совсем не был похож на умирающего. Он сидел в кресле, поджав под себя одну ногу, и читал книгу. Когда он увидел меня, то поднял голову и улыбнулся.

—Ну вот,— сказал он,— а Маргарита все твердила, что ты не придешь.

—Еще чего,— буркнула я, усаживаясь на диван напротив него.

Он отложил книгу и уставился на меня.

—Маргарита притворяется, будто не дарила тебе сердца,— сказала я.

—Маргарита никогда в этом не признается,— подтвердил он.

Тут вошла Маргарита и принесла нам горячий кофе, что было очень кстати. Я сразу схватила чашку и отпила больше половины.

—Удивительно, что ты не обжигаяешься,— заметил Валентин.

Маргарита вышла.

Я сказала:

—У меня пониженные болевые пороги. Или повышенные. В общем, я мало что чувствую. Я

могла бы отдать тебе свое сердце, но в моем возрасте еще этого не делают.

—Да,— сказал он.— В твоём возрасте это противопоказано.

Тут я насупилась.

—По-твоему, я недостаточно сильная, чтобы обойтись без сердца?

—По-моему, твое сердце чересчур сильно для меня,— объяснил он.— Оно просто разорвет меня на кусочки, если я соглашусь.

—Ну,— заметила я,— что-то в таком роде я и предвидела. Поэтому и принесла тебе кое-что другое, более подходящее к твоему случаю.

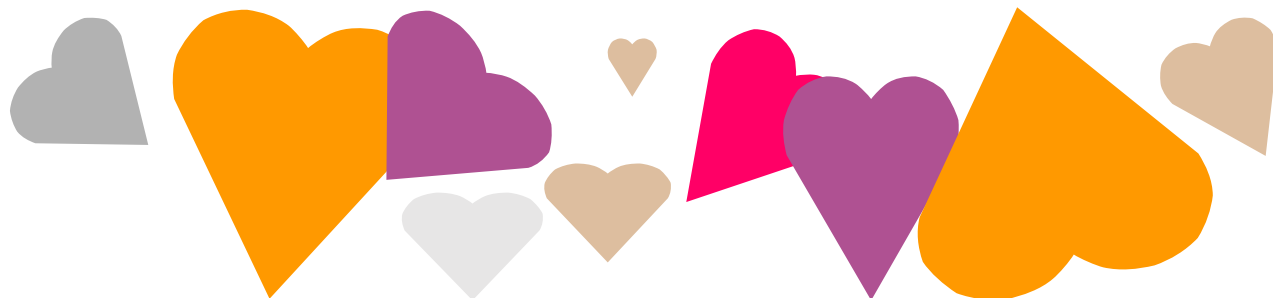
С этим я запустила руку в карман юбки и вытащила целый ворох бумажных сердечек.

Валентин разложил их на столе красивым узором и долго рассматривал.

Потом Маргарита принесла печенье и еще одну чашку кофе и села рядом с Валентином. Шальк на работе, объяснила она. Он теперь работает шофером. Мы сидели втроем, пили кофе, и вокруг было много бумажных сердечек. Одно из них, признает это Маргарита или нет,

спасет Валентина от смерти, и все будет снова
очень хорошо.

КОСМИЧЕСКИЙ ЛАБИРИНТ

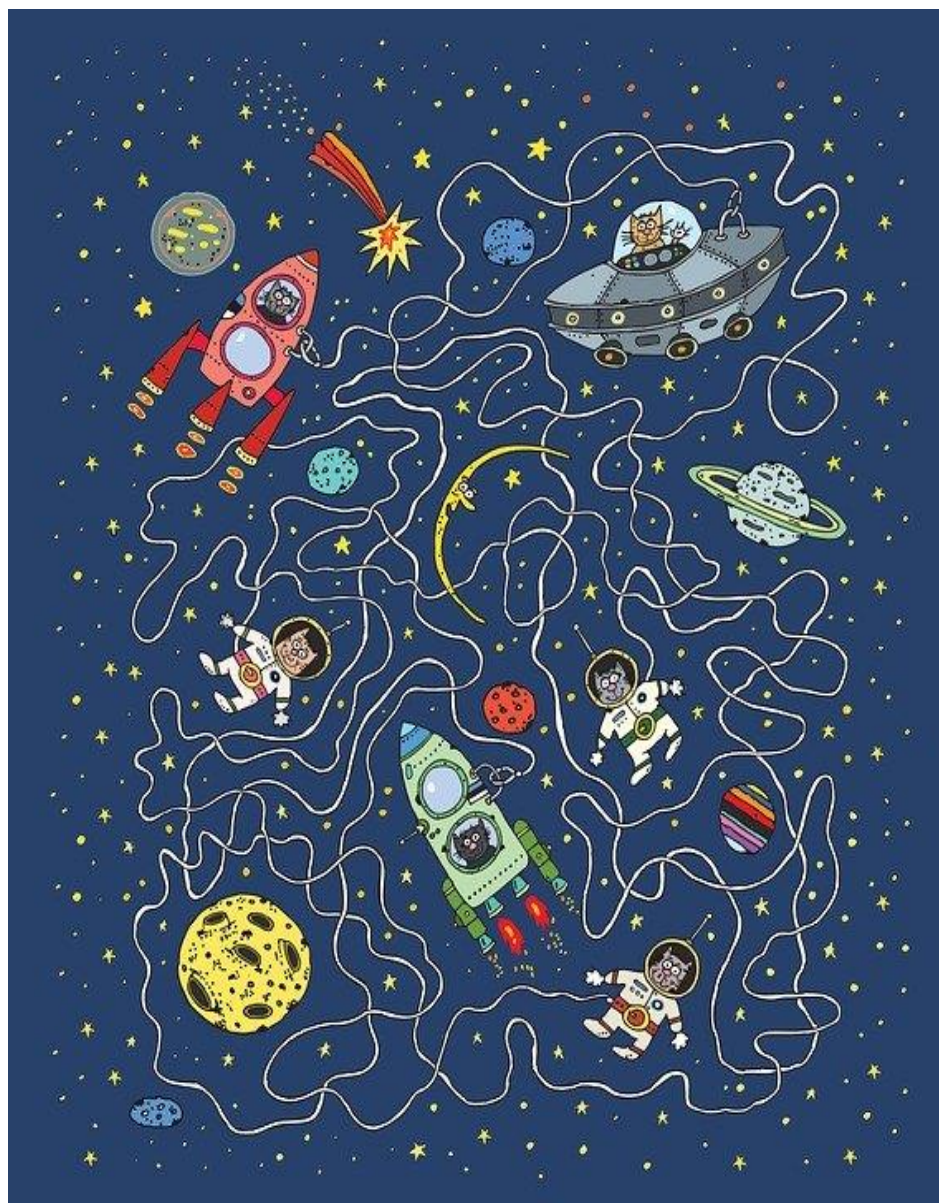

Рис.: Сергей Белозёров

Идеи игр: Виктория Таибова

НА КАКОМ ЯЗЫКЕ ГОВОРИТЬ С ИНОПЛАНЕТЯНАМИ?

Стоит потренироваться! Можно придумать вымышленный язык несуществующей планеты.

- камусира бумбараш - добрый день,
- покилани мазарпет - как дела,

и так далее.

А теперь - полетели! Вы на чужой планете и вынуждены говорить на новом языке...

Придумайте с детьми диалоги и разыграйте их. Главное - выучить реплики наизусть!

РЕДКИЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ

Попробуйте поиграть в "редкие словосочетания". Один участник называет существительное. Другой придумывает редкое, не соответствующее этому слову определение. Например: «солнце задумчивое» или "дождь прыгающий". На следующем этапе попробуйте составить из редких словосочетаний фразы!

ИГРА В РИФМЫ

Напишите на кусочках бумаги слова, чем больше, тем лучше. Вытягивайте листочки со словами и придумывайте к ним рифмы.

Следующий этап игры - игра на скорость. Этот вариант возможен только в том случае,

если число участников превышает два. Первый ответивший получает одно очко. К одному слову можно придумывать несколько рифм, но каждый участник должен назвать новую рифму.

**С ПОЖЕЛТЕВШИХ
СТРАНИЦ**

Иван Тургенев

Илл.: Ирина Ракова. Ночной Страж

СОБАКА

...Но если допустить возможность
сверхъестественного, возможность его
вмешательства в действительную жизнь, то
позвольте спросить, какую роль после этого
должен играть здравый рассудок? —
провозгласил Антон Степаныч и скрестил руки
на желудке. Антон Степаныч состоял в чине
статского советника, служил в каком-то

мудреном департаменте и, говоря с расстановкой, туго и басом, пользовался всеобщим уважением. Ему незадолго перед тем, по выражению его завистников, «влепили станислашку».

— Это совершенно справедливо, — заметил Скворевич.

— Об этом и спорить никто не станет, — прибавил Кинаревич.

— И я согласен, — поддакнул фистулой из угла хозяин дома, г. Финоплентов.

— А я, признаюсь, согласиться не могу, потому что со мной самим произошло нечто сверхъестественное, — проговорил мужчина среднего роста и средних лет, с брюшком и лысиной, безмолвно до тех пор сидевший за печкой.

Взоры всех находившихся в комнате с любопытством и недоумением обратились на него — и воцарилось молчанье. Этот мужчина был небогатый калужский помещик, недавно приехавший в Петербург. Он некогда служил в гусарах, проигрался, вышел в отставку и поселился в деревне. Новейшие хозяйственные перемены сократили его доходы, и он

отправился в столицу поискать удобного местечка. Он не обладал никакими способностями и не имел никаких связей; но он крепко надеялся на дружбу одного старинного сослуживца, который вдруг ни с того ни с сего выскочил в люди и которому он однажды помог приколотить шулера. Сверх того он рассчитывал на свое счастье — и оно ему не изменило; несколько дней спустя он получил место надзирателя над казенными магазинами, место выгодное, даже почетное и не требовавшее отменных талантов: самые магазины существовали только в предположении и даже не было с точностью известно, чем их наполнят, — а придумали их в видах государственной экономии.

Антон Степаныч первый прервал общее оцепенение.

— Как, милостивый государь мой! — начал он, — вы не шутя утверждаете, что с вами произошло нечто сверхъестественное — я хочу сказать: нечто не сообразное с законами природы?

— Утверждаю, — возразил «милостивый государь мой», настоящее имя которого было Порфирий Капитоныч.

— Не сообразное с законами природы! — повторил с сердцем Антон Степаныч, которому, видимо, понравилась эта фраза.

— Именно... да; вот именно такое, как вы изволите говорить.

— Это удивительно! Как вы полагаете, господа? — Антон Степаныч потщился придать чертам своим выражение ироническое, но ничего не вышло или, говоря правильнее, вышло только то, что вот, мол, господин статский советник дурной запах почуял.

— Не потрудитесь ли вы, милостивый государь, — продолжал он, обращаясь к калужскому помещику, — передать нам подробности такого любопытного события?

— Отчего же? Можно! — отвечал помещик и, развязно пододвинувшись к середине комнаты, заговорил так: — У меня, господа, как вам, вероятно, известно — а может быть, и неизвестно — небольшое имение в Козельском уезде. Прежде я извлекал из него некоторую пользу — но теперь, разумеется, ничего, кроме неприятностей, предвидеть нельзя. Однако побоку политику! Ну-с, в этом самом имении у меня усадьба «махенькая»: огород, как водится,

прудешко с карасишками, строения кой-какие — ну, и флигелек для собственного грешного тела... Дело холостое. Вот-с, однажды — годов этак шесть тому назад — вернулся я к себе домой довольно поздно: у соседа в картишки перекинул, — но притом, прошу заметить, ни в одном, как говорится, глазе; разделся, лег, задул свечку. И представьте вы себе, господа: только что я задул свечку, завозилось у меня под кроватью! Думаю — крыса? Нет, не крыса: скребет, возится, чешется... Наконец ушами захлопало! Понятное дело: собака. Но откуда собаке взяться? Сам я не держу; разве, думаю, забежала какая-нибудь «заболтущая»?

Я кликнул своего слугу; Филькой он у меня прозывается. Вошел слуга со свечкой. «Что это, — я говорю, — братец Филька, какие у тебя беспорядки! Ко мне собака под кровать затесалась». — «Какая, говорит, собака?» — «А я почему знаю? — говорю я, — это твое дело — барина до беспокойства не допускать».

Нагнулся мой Филька, стал свечкой под кроватью водить. «Да тут, говорит, никакой собаки нету». Нагнулся и я: точно, нет собаки. — Что за притча! — Вскинул я глазами на Фильку, а он улыбается. «Дурак, — говорю я ему, — что ты

зубы-то скалишь? Собака-то, вероятно, как ты стал отворять дверь, взяла да и шмыгнула в переднюю. А ты, ротозей, ничего не заметил, потому что ты вечно спишь. Уж не воображаешь ли ты, что я пьян?» Он захотел было возражать, но я его прогнал, свернулся калачиком и в ту ночь уже ничего не слышал.

Но на следующую ночь — вообразите! — тоже самое повторилось. Как только я свечку задул, опять скребет, ушами хлопает. Опять я позвал Фильку, опять он поглядел под кроватью — опять ничего! Услал я его, задул свечку — тьфу ты чёрт! собака тут как тут. И как есть собака: так вот и слышно, как она дышит, как зубами по шерсти перебирает, блох ищет... Явственно таково!

«Филька! — говорю я, — войди-ка сюда без свечки!» Тот вошел. «Ну, что, говорю, слышишь?» — «Слышу», — говорит. Самого-то мне его не видать, но чувствую я, что струхнул малый. «Как, говорю, ты это понимаешь?» — «А как мне это понимать прикажете, Порфирий Капитоныч? — Наваждение!» — «Ты, — я говорю, — беспутный человек, молчи с наваждением-то с своим...»

А у обоих-то у нас голоса словно птичьи, и дрожим-то мы как в лихорадке — в темноте-то. Зажег я свечку: ни собаки нет, ни шума никакого — а только оба мы с Филькой — белые, как глина. Так свечка у меня до утра и горела.

И доложу я вам, господа, — верьте вы мне или нет — а только с самой той ночи в течение шести недель та же история со мной повторялась. Под конец я даже привык и свечку гасить стал, потому мне при свете не спится. Пусть, мол, возится! Ведь зла она мне не делает.

— Однако, я вижу, вы не трусливого десятка, — с полупрезрительным, полуснисходительным смехом перебил Антон Степаныч. — Сейчас видно гусара!

— Вас-то я бы ни в каком случае не испугался, — промолвил Порфирий Капитоныч и на мгновение действительно посмотрел гусаром. — Но слушайте далее. Приезжает ко мне один сосед, тот самый, с которым я в картишки перекидывал. Пообедал он у меня чем бог послал, спустил мне рубликов пятьдесят за визит; ночь на дворе — убираться пора.

А у меня свои соображения. «Останься, говорю, ночевать у меня, Василий Васильич;

завтра отыграешься, даст бог». Подумал, подумал мой Василий Васильич, остался. Я ему кровать у себя же в спальне поставить приказал...

Ну-с, легли мы, покурили, покалякали — всё больше о женском поле, как оно и приличествует в холостой компании, посмеялись, разумеется; смотрю: погасил Василий Васильич свою свечку и спиной ко мне повернулся; значит: «шлафензиволь» .

Я подождал маленько и тоже погасил свечку. И представьте: не успел я подумать, что, мол, теперь какой карамболь произойдет? как уже завозилась моя голубушка. Да мало что завозилась: из-под кровати вылезла, через комнату пошла, когтями по полу стучит, ушами мотает, да вдруг как толкнет самый стул, что возле Василия Васильевичевой кровати!

«Порфирий Капитоныч, — говорит тот, и таким, знаете, равнодушным голосом, — а я и не знал, что ты собаку приобрел. Какая она, легавая, что ли?»

— «У меня, говорю, собаки никакой нет и не бывало никогда!»

— «Как нет? а это что?»

— «Что это? — говорю я, — а вот зажги свечку, так сам узнаешь».

— «Это не собака?»

— «Нет».

Повернулся Василий Васильич на постели.
«Да ты шутишь, чёрт?» — «Нет, не шучу».
Слышу я: он чёрк, чёрк спичкой, а та-то, та-то всё не унимается, бок себе чешет. Загорелся огонек... и баста! След простыл!

Глядит на меня Василий Васильич — и я на него гляжу. «Это, говорит, что за фокус?» — «А это, — говорю я, — такой фокус, что посади ты с одной стороны самого Сократа, а с другой Фридриха Великого, так и те ничего не разберут». И тут же я ему всё в подробности рассказал.

Как вскочит мой Василий Васильич! Словно обожженный! В сапоги-то никак не попадет.
«Лошадей! — кричит, — лошадей!» Стал я его уговаривать, так куда! Так и взахался. «Не останусь, кричит, ни минуты! — Ты, значит, после этого оглашенный человек! — Лошадей!..»

Однако я его уломал. Только кровать его перетащили в другую комнату — и ночники везде запалили.

Поутру, за чаем, он остепенился; стал советы мне давать. «Ты бы, говорит, Порфирий Капитоныч, попробовал на несколько дней из дому отлучиться: может, эта пакость от тебя бы отстала».

А надо вам сказать: человек он — сосед мой — был ума обширного! Тещу свою, между прочим, так обработал чудесно: вексель ей подsunул; значит, выбрал же самый чувствительный час! Шёлковая стала; доверенность дала на управление всем имением — чего больше? А ведь это какое дело — тещу-то скрутить, а? Сами изволите посудить.

Однако уехал он от меня в некотором неудовольствии: я-таки его опять рубликов на сотню наказал. Даже ругал меня; говорил, что ты-де неблагодарен, не чувствуешь; а я чем же тут виноват?

Ну, это само собою, — а совет я его к сведению принял: в тот же день укатил в город, да и поселился на постоялом дворе у знакомого старичка из раскольников.

Почтенный был старичок, хотя и суров маленько по причине одиночества: вся семья у него перемерла. Только уж очень табаку не

жаловал и к собакам чувствовал омерзенье великое; кажется, чем, например, ему собаку в комнату впустить согласиться — скорей бы сам себя пополам перервал! «Потому, говорит, как же возможно! Тут у меня в светлице на стене сама Владычица пребывать изволит, и тут же пес поганый рыло свое нечестивое устави́т». Известно — необразование! А впрочем, я такого мнения: кому какая премудрость далась, тот той и придерживайся!

— Да вы, я вижу, великий филозо́ф, — вторично и с тою же усмешкой перебил Антон Степаныч.

Порфирий Капитоныч на этот раз даже нахмурился.

— Какой я филозо́ф, это еще неизвестно, — промолвил он с угрюмым подергиваньем усов, — но вас бы я охотно взял в науку.

Мы все так и впились в Антона Степаныча; всякий из нас ожидал горделивого ответа или хотя молниеносного взгляда... Но господин статский советник перевел свою усмешку из презрительной в равнодушную, потом зевнул, поболтал ножкой — и только!

— Вот у этого-то старичка я и поселился, — продолжал Порфирий Капитоныч. — Комнатку он мне отвел, по знакомству, не из лучших; сам он помещался тут же за перегородкой — а мне только этого и нужно. Однако принял я в те поры муки! Комнатка небольшая, жара, этта, духота, мухи, да какие-то клейкие; в углу киотище необыкновенный, с древнейшими образами; ризы на них тусклые да дутые; маслом так и разит, да еще какою-то специей; на кровати два пуховика; подушку пошевелишь, а из-под нее таракан бежит... я уж со скуки чаю до невероятности напился — просто беда!

Лег я; спать нет возможности — а за перегородкой хозяин вздыхает, кряхтит, молитвы читает. Ну, однако, уgomонился, наконец. Слышу: похрапывать стал — да так полегоньку, по-старомодному, вежливенько. Свечку-то я давно загасил — только лампадка перед образами горит... Помеха, значит! Вот я возьми да встань тихохонько, на босу ногу; подмогнулся к лампадке да и дунул на нее... Ничего. «Эге! — думаю, — знать, у чужих-то не берет...» Да только что опустился на постель — опять пошла тревога! И скребет, и чешет, и ушами хлопает...

ну, как быть следует! Хорошо. Я лежу, жду, что будет?

Слышу: просыпается старик. «Барин, говорит, а барин?» — «Что, мол?» — «Это ты лампадку погасил?» Да ответа моего не дождавшись, как залопочет вдруг: «Что это? что это? собака? собака! Ах ты, никонианец окаянный!» — «Погоди, говорю, старик, браниться — а ты лучше приди-ка сам сюда. Тут, я говорю, дела совершаются удивления достойные».

Повозился старик за перегородкой и вошел ко мне со свечкой, тоненькой-претоненькой, из желтого воску; и удивился же я, на него глядячи! Сам весь шершавый, уши мохнатые, глаза злобные, как у хорька, на голове шапонька белая войлочная, борода по пояс, тоже белая, и жилет с медными пуговицами на рубахе, а на ногах меховые сапоги — и пахнет от него можжевельником. Подошел он в таком виде к образам, перекрестился три раза крестом двуперстным, лампадку засветил, опять перекрестился — и, обернувшись ко мне, только хрюкнул: объясняй, мол! И тут я ему, нимало не медля, всё обстоятельно сообщил.

Выслушал все мои объяснения старина и хоть бы словечко проронил: только знай головой потряхивает. Присел он потом, этта, ко мне на кроватку — и всё молчит. Чешет себе грудь, затылок и прочее — и молчит. «Что ж, — говорю я, — Федул Иваныч, как ты полагаешь: наваждение это какое, что ли?» Старик посмотрел на меня. «Что выдумал! наваждение! Добро бы у тебя, табашника, — а то здесь! Ты только то сообрази: что тут святости! Наваждения захотел!» — «А коли это не наваждение — так что же?»

Старик опять помолчал, спясть почесался и говорит наконец, — да глухо так, потому усы в рот лезут: «Ступай ты в град Белев. Окромя одного человека, тебе помочь некому. И живет сей человек в Белеве, из наших. Захочет он тебе поспособствовать — твое счастье; не захочет — так тому и быть». — «А как мне его найти, человека сего?» — говорю я. «Это мы тебя направить можем, — говорит, — а только какое это наваждение? Это есть явление, а либо знамение; да ты этого не постигнешь: не твоего полета. Ложись-ка теперь спать, с батюшкой со Христом; я ладанком покурю; а на утрие мы побеседуем. Утро, знаешь, вечера мудренее».

Ну-с, и побеседовали мы на утрие — а только от этого от самого ладану я чуть не задохнулся. И дал мне старик наставление такого свойства: что, приехавши в Белев, пойти мне на площадь и во второй лавке направо спросить некоего Прохорыча; а отыскавши Прохорыча, вручить ему грамотку. И вся-то грамотка заключалась в клочке бумаги, на которой стояло следующее: «Во имя отца и сына и святого духа. Аминь. Сергию Прохоровичу Первушину. Сему верь. Феодулий Иванович». А внизу: «Капустки пришли, бога для».

Поблагодарил я старика — да без дальнейших рассуждений велел заложить тарантас и отправился в Белев. Потому я так соображал: хотя, положим, от моего ночного посетителя мне большой печали нет, однако все-таки оно жутко, да и, наконец, не совсем прилично дворянину и офицеру — как вы полагаете? — И неужели вы поехали в Белев? — прошептал г. Финоплентов.

— Прямо в Белев. Пошел я на площадь, спросил во второй лавке направо Прохорыча. «Есть, мол, говорю, такой человек?» — «Есть», — говорят. «А где живет?» — «На Оке, за огородами». — «В чьем доме?» — «В своем».

Отправился я на Оку, отыскал его дом, т. е. в сущности не дом, а простую лачугу.

Вижу: человек в синей свитке с заплатами и в рваном картузе, так... мещанинишко по наружности, стоит ко мне спиной, копается в капустнике. Я подошел к нему. «Вы, мол, такой-то?» Он обернулся — и доложу вам поистине: таких пронизательных глаз я отроду не видывал. А впрочем, всё лицо с кулачок, бородка клином, и губы ввалились: старый человек. «Я такой-то, — говорит, — что вам надобе?» — «А вот, мол, что мне надобе», — да и грамоту ему в руку.

Он посмотрел на меня пристально таково да и говорит: «Пожалуйте в комнату; я без очков читать не могу». Ну-с, пошли мы с ним в его хибарку — и уж точно хибарка: бедно, голо, криво; как только держится. На стене образ старого письма, как уголь черный: одни белки на ликах так и горят.

Достал он из столика железные круглые очки, надел себе на нос, прочел грамотку да через очки опять на меня посмотрел. «Вам до меня нужда имеется?» — «Имеется, говорю, точно». — «Ну, говорит, коли имеется, так докладывайте, а мы послушаем».

И представьте вы себе: сам сел и платок клетчатый из кармана достал и у себя на коленях разложил — и платок-то дырявый — да так важно на меня взирает, хоть бы сенатору или министру какому, и не сажает меня. И что еще удивительнее: чувствую я вдруг, что робею, так робею... просто душа в пятки уходит. Нижет он меня глазами насквозь, да и полно! Однако я поправился да и рассказал ему всю мою историю.

Он помолчал, поежился, пожевал губами, да и ну спрашивать меня, опять-таки как сенатор, величественно так, не торопясь: «Имя, мол, ваше как? Лета? Кто были родные? В холостом ли звании или женаты?»

Потом он опять губами пожевал, нахмурился, палец уставил да и говорит: «Иконе святой поклонитесь, честным преподобным соловецким святителям Зосиме и Савватию». Я поклонился в землю — и так уж и не поднимаюсь; такой в себе страх к тому человеку ощущаю и такую покорность, что, кажется, что́ бы он ни прикажи, исполню тотчас же!..

Вы вот, я вижу, господа, ухмыляетесь, а мне не до смеху было тогда, ей-ей. «Встаньте, господин, — проговорил он наконец. — Вам

помочь можно. Это вам не в наказание наслано, а в предостережение; это, значит, попечение о вас имеется; добре, знать, кто за вас молится. Ступайте вы теперь на базар и купите вы себе собаку-щенка, которого вы при себе держите неотлучно — день и ночь. Ваши виденья прекратятся, да и, кроме того, будет вам та собака на потребу».

Меня вдруг точно светом озарило: уж как же мне эти слова полюбились! Поклонился я Прохорычу и хотел было уйти, да вспомнил, что нельзя же мне его не поблагодарить, — достал из кошелька трехрублевую бумажку. Только он мою руку отвел от себя прочь и говорит мне: «Отдайте, говорит, в часовенку нашу али бедным, а услуга та неоплатная». Я опять ему поклонился — чуть не в пояс — и тотчас марш на базар!

И вообразите: только что стал я подходить к лавкам — глядь, ползет ко мне навстречу фризовая шинель и под мышкой несет легавого щенка, двухмесячного, коричневой шерсти, белогубого, с белыми передними лапками. «Стой! — говорю я шинели, — за сколько продаешь?» — «А за два целковых». — «Возьми три!» Тот удивился, думает, с ума барин спятил

— а я ему ассигнацию в зубы, щенка в охапку, да в тарантас!

Кучер живо запряг лошадей, и в тот же вечер я был дома. Щенок всю дорогу у меня за пазухой сидел — и хоть бы пикнул; а я ему всё: «Трезорушко! Трезорушко!» Тотчас его накормил, напоил, велел соломы принести, уложил его, и сам шмыг в постель! Дунул на свечку: сделалась темнота. «Ну, говорю, начинай!» Молчит. «Начинай же, говорю, такая-сякая!» Ни гугу, хоть бы на смех. Я куражиться стал: «Да начинай, ну же, растакая, сякая и этакая!» Ан не тут-то было — шабаш! Только и слышно, как щенок пыхтит. «Филька! — кричу, — Филька! Поди сюда, глупый человек!» — Тот вошел. — «Слышишь ты собаку?» — «Нет, говорит, барин, ничего не слышу» — а сам смеется. — «И не услышишь, говорю, уже больше никогда! Полтинник тебе на водку!» — «Пожалуйте ручку», — говорит дурак и впотьмах-то лезет на меня...Радость, доложу вам, была большая.

— И так всё и кончилось? — спросил Антон Степаныч уже без иронии.

— Видения кончились, точно — и уже беспокойств никаких не было — но, погодите, всей штуке еще не конец. Стал мой Трезорушко

расти — вышел из него гусь лапчатый. Толстохвостый, тяжелый, вислоухий, брылястый — настоящий «пиль-аванц». И притом ко мне привязался чрезвычайно. Охота в наших краях плохая — ну, а все-таки, как завел собаку, пришлось и ружьишком запастись.

Стал я со своим Трезором таскаться по окрестностям: иногда зайца подшибешь (уж и гонялся же он за этими зайцами, боже мой!), а иногда и перепелку или уточку.

Но только главное: Трезор от меня ни на шаг. Куда я — туда и он; даже и в баню его с собой водил, право! Одна наша барыня меня за самого за этого Трезора из гостиной приказала было вывести, да я такую штурму поднял: что одних стекол у ней перебил!

Вот-с, однажды, дело было летом... И, скажу вам, засуха стояла тогда такая, что никто и не запомнит; в воздухе не то дым, не то туман, пахнет гарью, мгла, солнце, как ядро раскаленное, а что пыли — не прочихнешь! Люди так разинувши рты и ходят, не хуже ворон.

Соскучилось мне этак дома всё сидеть, в полнейшем дезабилье, за закрытыми ставнями; кстати же жара начинала сваливать... И пошел я,

государь мои, к одной своей соседке. Жила же она соседка от меня в версте — и уж точно благодетельная была дама. В молодых еще цветущих летах и наружности самой располагающей; только нрав имела непостоянный. Да это в женском поле не беда; даже удовольствие доставляет...

Вот добрался я до ее крылечка — и солоно же мне показалось это путешествие! Ну, думаю, убогитворит меня теперь Нимфодора Семеновна брусничной водой, ну и другими прохладами — и уже за ручку двери взялся, как вдруг за углом дворовой избы поднялся топот, визг, крик мальчишек... Я оглядываюсь. Господи боже мой! прямо на меня несется огромный рыжий зверь, которого я с первого взгляда и за собаку-то не признал: раскрытая пасть, кровавые глаза, шерсть дыбом... Не успел я дыхание перевести, как уж это чудовище вскочило на крыльцо, поднялось на задние лапы и прямо ко мне на грудь — каково положение? Я замер от ужаса и руки не могу поднять, одурел вовсе... вижу только страшные белые клыки перед самым носом, красный язык, весь в пене.

Но в то же мгновенье другое, темное тело взвилось передо мною, как мячик, — это мой

голубчик Трезор заступился за меня; да как пиявка тому-то, зверю-то, в горло! Тот захрипел, заскрежетал, отшатнулся...

Я разом рванул дверь и очутился в передней. Стою, сам не свой, всем телом на замок налег, а на крыльце, слышу, происходит баталья отчаянная.

Я стал кричать, звать на помощь; все в доме всполошились. Нимфодора Семеновна прибежала с распущенной косой, на дворе загомонили голоса — и вдруг послышалось: «Держи, держи, запри ворота!»

Я отворил дверь — так, чуточку — гляжу: чудовища уже нет на крыльце, люди в беспорядке мечутся по двору, махают руками, поднимают с земли поленья — как есть очумели. «На деревню! на деревню убегла!» — визжит какая-то баба в кичке необыкновенных размеров, высунувшись в слуховое окно.

Я вышел из дома. «Где, мол, Трезор?» — и тут же увидал моего спасителя. Он шел от ворот, хромой, весь искусанный, в крови... «Да что такое, наконец?» — спрашиваю у людей, а они кружатся по двору, как угорелые. «Бешеная

собака! — отвечают мне, — графская; со вчерашнего дня здесь мотается».

У нас был сосед, граф; тот заморских собак навез, престрашенных. Поджилки у меня затряслись; бросился к зеркалу, посмотреть, не укушен ли я? Нет, слава богу, ничего не видать; только рожа, натурально, вся зеленая; а Нимфодора Семеновна лежит на диване и клохчет курицей. Да оно и понятно: во-первых, нервы, во-вторых, чувствительность. Ну, однако, пришла в себя и спрашивает меня, томно так: жив ли я? Я говорю, жив, и Трезор мой избавитель. «Ах, говорит, какое благородство! И стало быть, бешеная собака его задушила?»

— «Нет, говорю, не задушила, а ранила сильно».

— «Ах, говорит, в таком случае его надо сию минуту пристрелить!»

— «Ну, нет, говорю, я на это не согласен; я попробую его вылечить...» Тем временем Трезор стал скрестись в дверь: я было пошел ему отворять.

— «Ах, говорит, что вы это? Да он нас всех перекусает!»

— «Помилуйте, говорю, яд не так скоро действует».

— «Ах, говорит, как это возможно! Да вы с ума сошли!»

— «Нимфочка, говорю, успокойся, прими резон...»

А она как крикнет вдруг: «Уйдите, уйдите сейчас с вашей противной собакой!» — «И уйду», — говорю.

— «Сейчас, говорит, сию секунду! Удались, говорит, разбойник, и на глаза мне не смей никогда показываться. Ты сам можешь взбеситься!»

— «Очень хорошо-с, — говорю я, — только дайте мне экипаж, потому что я теперь пешком идти домой опасаясь». Она уставилась на меня. «Дать, дать ему коляску, карету, дрожки, что хочет, лишь бы провалился поскорее. Ах, какие глаза! ах, какие у него глаза!»

Да с этими словами из комнаты вон, да встрешную девку по щеке — и слышу, с ней опять припадок. И поверите ли вы мне, господа, или нет, а только с самого того дня я с Нимфодорой Семеновной всякое знакомство прекратил; а по зрелом соображении всех вещей

не могу не прибавить, что и за это обстоятельство я обязан моему другу Трезору благодарностью по самую гробовую доску.

Ну-с, велел я заложить коляску, усадил в нее Трезора и поехал к себе домой. Дома я его осмотрел, обмыл его раны — да и думаю: повезу я его завтра чуть свет к бабке в Ефремовский уезд. А бабка эта — старый мужик, удивительный: пошепчет на воду — а другие толкуют, что он в нее змеиную слюну пускает, даст выпить — как рукою снимет. Кстати, думаю, в Ефремове себе кровь брошу: оно против испуга хорошо бывает; только, разумеется, не из руки, а из сокола.

— А где это место — соколóк? — с застенчивым любопытством спросил г. Финоплентов. — А вы не знаете? Самое вот это место, на кулаке, подле большого пальца, куда из рожка табак насыпают — вот тут! Для кровопускания первый пункт; потому сами посудите: из руки пойдет кровь жильная, а тут она — наигранная. Доктора этого не знают и не умеют; где им, дармоедам, немчуре? Больше кузнецы упражняются. И какие есть ловкие! Наставит долото, молотком тукнет — и готово!..

Ну-с, пока я таким образом размышлял, на дворе совсем стемнело, пора на боковую. Лег я в постель — и Трезор, разумеется, тут же. Но от испуга ли, от духоты ли, от блох или от мыслей — только не могу заснуть, хоть ты что! Тоска такая напала, что и описать невозможно; и воду-то я пил, и окошко отворял, и на гитаре «камаринского» с итальянскими вариациями разыграл... нет! Прет меня вон из комнаты — да и полно!

Я решился наконец: взял подушку, одеяло, простыню да и отправился через сад в сенной сарай; ну и расположился там. И так мне стало, господа, приятно: ночь тихая, перетихая, только изредка ветерок словно женской ручкой по щеке тебе проведет, свежо таково; сено пахнет, что твой чай. На яблонях кузнечики потрюкивают; там вдруг перепел грянет — и чувствуешь ты, что и ему, канашке, хорошо, в росе-то с подружкой сидючи... А на небо такое благолепие: звездочки теплятся, а то тучка наплывет, белая, как вата, да и та еле движется...

На этом месте рассказа Скворевич чихнул; чихнул и Кинаревич, никогда и ни в чем не отстававший от своего товарища. Антон Степаныч посмотрел одобрительно на обоих.

— Ну-с, — продолжал Порфирий Капитоныч, — вот так-то лежу я и опять-таки заснуть не могу. Размышление нашло на меня; а размышлял я больше о премудрости: что вот как, мол, это Прохорыч мне справедливо объяснил насчет предостереженья — и почему это именно надо мной такие чудеса совершаются?.. Я удивляюсь собственно потому, что ничего не понимаю, а Трезорушко повизгивает, свернувшись в сене: больно ему от ран-то. И еще я вам скажу, что мне спать мешало — вы не поверите: месяц! Стоит он прямо передо мной, этакий круглый, большой, желтый, плоский, и сдается мне, что уставился он на меня, ей-богу; да так нагло, назойливо... Я ему даже язык наконец высунул, право. Ну чего, думаю, любопытствуешь? Отвернусь я от него — а он мне в ухо лезет, затылок мне озаряет, так вот и обдает, словно дождем; открою глаза — что же? Былинку каждую, каждый дрянной сучок в сене, паутинку самую ничтожную — так и чеканит, так и чеканит! На, мол, смотри! Нечего делать: опер я голову на руку, стал смотреть. Да и нельзя: поверите ли, глаза у меня, как у зайца, так и пучатся, так и раскрываются — словно им и неизвестно, что за сон бывает за такой. Так, кажется, и съел бы всё этими самыми глазами.

Ворота сарая открыты настежь; верст на пять в поле видно: и явственно и нет, как оно всегда бывает в лунную ночь. Вот гляжу я, гляжу — и не смигну даже... И вдруг мне показалось, как будто что-то мотанулось — далеко, далеко... так, словно что померещилось. Прошло несколько времени: опять тень проскочила — уже немножко ближе; потом опять, еще поближе. Что, думаю, это такое? заяц, что ли? Нет, думаю, это будет покрупнее зайца — да и побежка не та. Гляжу: опять тень показалась, и движется она уже по выгону (а выгон-то от луны белесоватый) этаким крупным пятном; понятное дело: зверь, лисица или волк.

Сердце во мне ёкнуло... а чего, кажись, я испугался? Мало ли всякого зверя ночью по полю бегают? Но любопытство-то еще пуще страха; приподнялся я, глаза вытаращил, а сам вдруг похолодел весь, так-таки застыл, точно меня в лед по уши зарыли, а отчего? Господь ведает! И вижу я: тень всё растёт, растёт, значит, прямо на сарай катит... И вот уж мне понятно становится, что это — точно зверь, большой, головастый... Мчится он вихрем, пулей... Батюшки! что это? Он разом остановился, словно почуял что... Да это... это сегодняшняя

бешеная собака! Она... она! Господи! А я-то пошевелинуться не могу, крикнуть не могу...

Илл.: Ирина Ракова. Хранитель Снов

Она подскочила к воротам, сверкнула глазами, взвыла — и по сему прямо на меня! А из сена-то, как лев, мой Трезор — и вот он! Пасть с пастью так и вцепились оба — да клубом оземь! Что уж тут происходило — не помню; помню только, что я, как был, кубарем через них, да в сад, да домой, к себе в спальню!.. Чуть под кровать не забился — что греха таить. А какие скачки, какие лансады по саду задавал! Кажется, самая первая танцорка, что у императора Наполеона в день его ангела пляшет, — и та за мной бы не угналась.

Однако, опомнившись немного, я тотчас же весь дом на ноги поднял; велел всем вооружиться, сам взял саблю и револьвер. (Я, признаться, этот револьвер вскоре после эманципации купил, знаете, на всякий случай — только такой попался бестия разносчик, из трех выстрелов непременно две осечки.) Ну-с, взял я всё это, и таким манером мы целой оравой, с дрекольями, с фонарями и отправились в сарай. Подходим, окликаем — не слышать ничего; входим, наконец, в сарай... И что же мы видим? Лежит мой бедный Трезорушко мертвый, с перерванным горлом — а той-то, проклятой, и след простыл. И тут я, господа, взвыл как теленок и, не стыдясь, скажу: припал я к моему двукратному, так сказать, избавителю и долго лобзал его в голову. И пробыл я в этом положении до тех пор, пока в чувство меня не привела моя старая ключница Прасковья (она тоже прибежала на гвалт). «Что это вы, Порфирий Капитоныч, — промолвила она, — так обо псе убиваетесь? Да и простудитесь еще, боже сохрани! (Очень уж я был налегке.) А коли пес этот, вас спасаючи, жизни решился, так для него это за великую милость почесть можно!»

Я хотя с Прасковьей не согласился, однако пошел домой. А бешеную собаку на следующий день гарнизонный солдат из ружья застрелил. И, стало быть, уж ей такой был предел положон: в первый раз отродясь солдат-то из ружья выпалил, хоть и медаль имел за двенадцатый год. Так вот какое со мной произошло сверхъестественное событие.

Рассказчик умолк и стал набивать себе трубку. А мы все переглянулись в недоумении.

— Да вы, может быть, очень праведной жизни, — начал было г. Финоплентов, — так в возмездие... — Но на этом слове он запнулся, ибо увидал, что у Порфирия Капитоныча щеки надулись и покраснели и глаза съежились — вот сейчас прыснет человек...

— Но если допустить возможность сверхъестественного, возможность его вмешательства в ежедневную, так сказать, жизнь, — начал снова Антон Степаныч, — то какую же роль после этого должен играть здравый рассудок? Никто из нас ничего не нашелся ответить — и мы по-прежнему пребывали в недоумении.

ПАПАМ И МАМАМ

Дмитрий Веденяпин

* * *

Надо постучаться – и откроют.
Снег, шурша, мелькает над полотном.
В вертикальном небе зарыт клад.
Демон знает о нем.

Человек стоит на краю перрона
Навытяжку перед судьбой.
Чтобы отнять золото у дракона,
Нужно вступить с ним в бой.

Снег лежит – как покров бессилья...
Главное – не побежать назад!
У дракона фиолетовые крылья,
Неподвижный мертвый взгляд.

Главное – крикнуть дракону: "Нет!"
Крикнуть: "Убирайся!" ночному бреду...
Просыпаясь, мальчик видел свет,
Чтобы взрослый смутно верил в победу.

СТАРЫЕ ФОТОГРАФИИ

*Я хочу на «тот свет» прийти
с носовым платком. Ни чуточки меньше.
В.В. Розанов*

Все-таки очень трудно
представить себе рай.
Хотя,
если постараться,
то можно.

Для начала
надо вообразить
абсолютно прекрасное самочувствие,
какое
последний раз
было у тебя, наверное, лет в шесть.

Нет! Еще лучше.

Потом — родные.

Все живы-здоровы.

Сказано, что в Царствии Небесном

не женятся и не выходят замуж —

слава Богу! —

но про еду ничего не сказано.

Поэтому вполне можно представить,

что бабушка

стоит у райской плиты

(кстати, не так уж сильно отличающейся

от двухкомфорочной электроплитки,

которая была у нас в Александровке),

помешивая что-то райское

в райской кастрюльке.

Баба Нюра ушла в райский магазин.

Папа собирается на райскую работу.

Мама шьет бабушке райское платье...

После обеда мама с бабушкой читают,

устроившись под соснами
на широкой райской раскладушке.
День полон множества других райских чудес.

Вопреки расхожему мнению,
основанному
на неверно понятом библейском стихе,
время в раю
есть.

Естественно, не такое, как здесь.

То же касается и пространства.

Принцип трех единств,
насильственный
и для земной драматургии,
в драматургии небесной
просто отменен.

Наши самые смелые представления о свободе
посрамлены.

Говорю это на тот случай,
если кто-то уже собрался
обвинить меня
в чересчур жесткой режиссуре.
Мол, бабушке,
может быть,
совсем не хочется стоять у плиты,
а то и, вообще, быть бабушкой,
а папе — ходить на работу,
даже райскую.
Конечно, в раю
каждому дарована способность
находиться где угодно, когда угодно.
В том числе,
в разных местах одновременно.
А понятия возраста
там вовсе не существует.

Былое сбудется опять,
по-видимому,
вернее,
невидимому,
означает следующее:
главное прошлое —
единственное,
что тут
точно есть —
станет частью того,
чего тут нет
и не может быть,
а именно
будущего
(в настоящем смысле этого слова),
или —
sub specie aeternitatis —
настоящего
(в будущем смысле),

которое —

представляй-не представляй —

другое, другое, другое...

* * *

Затихает Москва, стали синими дали.

Мама с папой возвращаются домой из гостей.

Мама невероятно красивая, папа тоже,

а ещё он ловкий и сильный и очень любит маму.

Мы живём на Таганке.

Ближе к ночи на улице не то чтобы очень опасно,

но все-таки...

Нет, конечно, папа сумеет защитить маму,

хулиганам не поздоровится, но...

Никто на них не напал.

Вот они входят в нашу прекрасную комнату

на пятерых

в коммуналке на Ульяновской.

Я уже сплю за своей китайской ширмой,
баба Нюра пришивает пуговицу к пальто,
баба Аня читает роман А.Н. Толстого
"Пётр Первый".

Она и мне уже советовала прочитать эту
замечательную книгу.

Я честно пытался. Спустя некоторое время.

Первый раз лет в одиннадцать.

Начал и с недоумением и нарастающим

беспокойством ждал,

когда же наконец закончится

этот жуткий выдуманный язык,

а он все не заканчивался и не заканчивался.

Я не выдержал и бросил.

Второй подход я сделал лет в пятнадцать.

С тем же результатом.

Третью попытку - лет в тридцать, примерно.

Нет, никак.

Подозреваю, что приязнь бабушки к

А.Н. Толстому имеет

биографические объяснения.

В какой-то момент они были соседями.

У них были общие знакомые.

Когда Толстой умер, бабушка пошла

На похороны.

Вернувшись, рассказала такую историю

(ясное дело, я слышал её четверть века спустя):

кто-то из пришедших проститься с почившим

писателем

решил выпить за упокой его души

не откладывая,
прямо в зале, где проходило прощание,
и открыл приготовленную чекушку.

Запахло спиртом.

"Вот тут, - вспоминала бабушка, - я окончательно
поняла, что он вправду умер.

Иначе бы обязательно встал».

Мама заглядывает ко мне за ширму.

Я не вижу этого, но каким-то образом знаю
во сне.

Потом она садится рядом с бабушкой и начинает
рассказывать ей, что было в гостях.

Баба Нюра выходит на кухню поставить чайник.

Папа вытаскивает тетрадь с английскими
терминами по радиоэлектронике.

Завтра ему надо будет переводить
какую-то встречу.

*Синей дымкой окутаны стройные зданья,
ярче блещут кремлёвских рубинов лучи.*

Баба Нюра возвращается в комнату
с горячим чайником.

Я сплю.

Ксения Валаханович

МАРСИАНСКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Мама на Марсе качала малышку:

– Спи, моя милая крошка! –

И поправляла малышке пустышку,

Бережно гладила рожки.

В маленьком доме на красной планете

Пела счастливая мама:

– Самой красивой ты будешь на свете,

Доброй и правильной самой...

Кутала в теплую тряпочку ножки,

Хвостик родной укрывала...

И перепонки на каждой ладошке

Тысячу раз целовала.

– Пусть обойдут стороною печали,

Горе в наш дом не заглянет...

А на далекой планете

Качали

Деток

Смешные

Земляне.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ МАМЫ

Я смотрю тебе в глаза,

Пальчиками трогаю...

Я хочу тебе сказать

Очень-очень многое.

Пятна яркие кругом,

Ты – большое самое.

Пахнешь теплым молоком,

Просто пахнешь – мамою...

Так спокойно на груди,

В ней как будто тикает...

Ни на миг не отходи,

Плавная и тихая.

Мир качается, смотри,
В такт со мной качается...
Столько разного внутри –
Просто не вмещается!
Защитить тебя смогу:
Днем и темной ночью...
Мама, я тебя «агу» –
Всею душою сыночкиной!

ПОСИДИ СО МНОЙ, МАМА!

Посиди со мной, мама, ещё посиди...

Не спеши убегать, погоди, погоди!

Сохрани этот миг, отложи все дела!

Ты, казалось, недавно меня родила...

Посиди со мной, мама, ещё посиди!

Нам никто не расскажет, что ждёт впереди.

Не заметишь, как стану тебе по плечо...

Посиди со мной, мама, немного ещё!

Ты нужна мне сейчас, ты сейчас так нужна!

Пролетят день за днём, за весною весна,

Будет новая жизнь, а потом и семья...

Но пока я – лишь твой, ты пока – лишь моя!

Отложи все дела, позабудь обо всем!

Мы с тобой этот миг через жизнь пронесём!

Как сидел на руках, прижимаясь к груди...

Посиди со мной, мама, ещё посиди!

Тата Снегур

МЫ НАЧИНАЕМСЯ

В сердце вспыхнул вопрос

– С чего начиналась дорога

В этот мир, где родился и рос?

Мудрец сказал:

«Мы из Бога».

С чего начиналась Земля?

«С любви», — сказал Далай-Лама.

А дочка меня обняла:

«Всё начинается с мамы!»

Сергей Улашев

ПОЛЁТ ПРОХОДИТ НОРМАЛЬНО...

Скетч

Зайдя в дом, отец со старшим сыном увидели, как дедушка с младшим внуком строят посреди комнаты "ракету".

«Отмечают день космонавтики», - подумал отец, глядя, как из торшера и старой простыни рождается макет.

На простыне уже нарисовали звезду и прорезали иллюминатор, который с внутренней стороны был заклеен прозрачной пищевой пленкой. Старший сын и по совместительству старший внук деда, выросший на "Звездных войнах", решил сыронизировать :

– А бластеры у вас есть для полета ? Вдруг на вас в космосе нападут?

Старый и малый, на головах которых вместо шлемов были надеты круглый аквариум и

коробка из-под торта с прорезанным забралом, одновременно ответили:

– Мы с мирной целью летим в космос.

То, что они летели с мирной целью, было видно по тарелке, в которой уже лежали конфеты и несколько бутербродов с сыром и колбасой.

– А команда у вас укомплектована? – спросил папа. – Третьего возьмете?

Не поворачиваясь, старший космонавт ответил:

– У нас на третьего участника стратегического запаса может не хватить. Мы тебя главным конструктором утвердим. Будешь руководить нами с Земли.

Через десять минут, зайдя в комнату, старший сын увидел, как отец, дед и его младший брат наряжают ракету новогодними огоньками для елки. Из-под ракеты уже шел пар, выдаваемый бабушкиным ингалятором. Главный космонавт был одет в старую дедовскую красную спортивную футболку с надписью "СССР". Костюм космонавта опоясывал ремень отца, служившего когда-то на флоте.

В комнате было слышно, как дед и отец бежали несколько раз на кухню "отмечать" фразой «ПОЕХАЛИ!» полет семейного экипажа.

Все были увлечены. Дед вспоминал, как в первый раз услышал о полёте человека в космос. Отец - как первый раз увидел пачку сигарет "СОЮЗ-АППОЛОН". А младшему нравилось, что впервые в жизни отец с дедом играли с ним в запуск ракеты в космос с домашнего "Байконура".

Старший сын, ничего не спрашивая, принес магнитофон, включил песню "Земля в иллюминаторе", надел на голову шлем Дарт Вейдера и уселся в кресло наблюдать за землянами...

**ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ ЛАУРЕАТОВ
11 – 13 ЛЕТ**

Теодоро Россини

11 лет

Италия, Рим

Школа «Знание»

МИССИЯ НА ПЛАНЕТУ ЧАВК

Однажды, а именно во вторник 2 февраля 9006 года, двое друзей Петя и Аня были посланы на планету Чавк на ракете «АХ–модель 209».

Как только они оказались в ракете, Аня села за пульт управления, а Петя развалился на заднем сидении и принялся пить клубничный коктейль, наслаждаясь панорамой из окошка.

— Балбес, не время пить коктейли! — сказала Аня. — Внимание! Начинается обратный отсчёт: десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один... Пуск!

И ракета взлетела.

Через восемь часов почти в центре галактики они «причавкали» на планету Чавк.

Петя сразу же воскликнул:

— Тысяча галактик! Эта планета очень красивая!

— Не только красивая, но и очень опасная! Мне рассказывали, что здесь испытывали секретное оружие органического происхождения.

— Да ну! Что за чушь! Да ты посмотри! Там на другой стороне реки растут такие раскидистые яблони! Бегу туда!

Аня прошептала:

— Не время есть яблоки! Появились инопланетяне! И у них плохие намерения! Это понятно из того, что ни поют.

Действительно это были Вег–а–ны, которые напевали так:

Мы на Землю полетим,
Все бифштексики истребим!
Нет котлетам с шашлыками!
Прочь гуляш, бекон, салями!
Прочь сосиски! Ешь бананы!
Знают толк в еде вег–а–ны!

Вег–а–ны вскочили в ракету и полетели к Земле. Петя и Аня быстро воткнули флаг ООН в чавкю планеты и взлетели, чтобы остановить их. Когда Вег–а–ны увидели, что их преследуют, то увеличили скорость в 420 раз. Дети тоже добавили скорость с помощью турбодвигателя. Как только Вег–а–ны заметили, что дети не отступают, они начали стрелять очень странными снарядами. Петя и Аня не знали, как защищаться. И когда один из этих снарядов разбил окно и влетел в ракету, Аня воскликнула:

— Осторожно, бомба!

Петя ответил:

— Вкусная!

— Ты с ума сошёл! Вкусная бомба?! Зачем ты ешь бомбу? У тебя может взорваться желудок! — сказала Аня.

А Петя ответил:

— Да не какая это не бомба! Это же яблоко!

— Яблоко! Так что это и есть их секретное оружие? А ну–ка дай попробовать! Вкуснятина!

Но дети не заметили, что одно из яблок попало в мотор, и Аня потеряла контроль над ракетой. На полной скорости они столкнулись с летающим аппаратом Вег–а–нов, и оба космических корабля взорвались! К счастью,

дети успели вовремя катапультироваться, оказались в поле земного притяжения и понеслись вниз. У них были противопожарные шлемы и скафандры, поэтому с ребятами ничего плохого не произошло. Детям повезло, и они приземлились прямо на батуты.

Алёна Погудина

12 лет

Франция, Ницца

Центр двуязычного развития «Солнышко»,
ассоциации «Русский Альянс»

ЯБЛОЧНЫЙ ПИРОГ

Петя был обычным мальчиком двенадцати лет. Он, как и все, ходил в школу, как и все, не любил делать уроки и, как и все, не верил, что чудеса случаются.

Однажды в один солнечный и удивительно жаркий весенний день он пошёл на рынок. В этот день у Петиней мамы был День рождения, и Петя решил испечь маме яблочный пирог. Мама их просто обожала.

Вышел он на улицу и пошёл радостный вприпрыжку по тротуару. Шёл он шёл и наконец дошёл до весёлой и шумной ярмарки. Петя стал прогуливаться по ярмарке и выбирать продукты необходимые для приготовления пирога. Вначале он купил яйца, потом купил молоко и муку. В конце ему осталось купить только

яблоки.

Видит Петя, сидит в конце ряда бабушка и на скатерти перед ней разваленные яблоки. Таких яблок он никогда не видел. Спросил Петя у бабушки:

— Сколько стоят ваши яблоки?

Бабушка ему отвечает:

— Яблоки по середине стоят пятьдесят рублей за килограмм. Тот, кто купит их, будет говорит на разных языках. Те, которые справа, дороже. Съешь их – будешь корчить смешные рожи. Но а те, что слева, дешевле. Отведаешь – станут глаза вишнёвые.

Услышав бабушкины слова, Петя удивился, но конечно же не поверил. Что он в сказке что ли живёт?! Купил разных яблок и довольный пошёл домой. До маминого прихода с работы оставалось два часа.

Петя принялся печь яблочный пирог. Он очень любил готовить и поэтому старался от души. Получился у него самый румяный и аппетитный пирог в мире. Петя аккуратно выложил его на красивую тарелку, поставил на стол и стал ждать прихода мамы.

Дверь в квартире открылась, и вошла мама. Петя бросился ей на шею, обнял, поцеловал и поздравил с Днём рождения.

Усадив маму на диван, он спел и станцевал для мамы. У неё поднялось настроение, и она стала подпевать Петиной песне. Под конец Петя торжественно внёс в комнату свой пирог. Мама восхитилась, увидев кулинарный шедевр сына, и села за стол, чтобы его попробовать.

Когда она откусила первый кусочек, она сказала Пете, что у него получился очень вкусный пирог. Но он ничего не понял, потому что сказала она это на китайском. Петя рассмеялся. Потом мама откусила второй кусочек и начала корчить смешные рожицы. Петя со смеха упал со стула, а мама продолжала есть пирог. И вот мама положила в рот последний кусочек, и её глаза засияли, как спелые вишни.

Но когда мама запила угощение водой, все эти неожиданные эффекты прошли. Она спросила, может он знает, почему с ней случились все эти странные вещи. В ответ Петя только отрицательно повертел головой. Не обманула всё-таки бабушка: яблоки и вправду были волшебными.

Ирина Ракова – известная художница, керамист и педагог, живёт и работает во Франции.

Роман Саульский – молодой художник-график, живёт и учится во Франции.

Сергей Белозёров – российский график и иллюстратор.

Ая эН – знаменитая российская писательница, лауреат многих литературных премий и конкурсов.

Елена Хаецкая – знаменитая российская писательница, лауреат многих литературных премий и конкурсов.

Нина Кулик – начинающий прозаик и поэтесса.

Иван Тургенев – классик русской литературы.

Дмитрий Веденяпин – знаменитый российский поэт, живёт и работает в Париже и в Москве, лауреат многих литературных премий и конкурсов.

Ксения Валаханович – поэтесса, автор популярных книг стихов для детей, живет и работает в Минске, лауреат многочисленных литературных премий.

Тата Снегур – начинающая писательница и поэтесса. Живёт и работает в Киеве.

Сергей Улашев – актер и юморист. Живёт и работает в Киеве.

Теодоро Россини – начинающий юный писатель, лауреат международного детского творческого конкурса «Фабрика слов».

Алёна Погудина – начинающая юная писательница, лауреат международного детского творческого конкурса «Фабрика слов».